

Чужая лебединая песня

Автор:

Ирина Грин

Чужая лебединая песня

Ирина Грин

Ася и Кристина #5Переплетение чувств

Программист Федор Лебедев привык жить один, но однажды ночью на его пороге возникла прекрасная незнакомка. Девушка ранена и не может рассказать, что с ней случилось...

Ася Субботина сильно встревожена – Федор, ее друг и коллега по работе в детективно-консалтинговом агентстве «Кайрос», попал в большую беду. Федора подозревают в убийстве, он пустился в бега, но перед этим обратился к Асе со странной просьбой – купить конверт с тюльпанами...

Никогда не знаешь, что принесет тот, кто стучится ночью в твою дверь, – горькое разочарование или большую удачу...

Ирина Грин

Чужая лебединая песня

Порыв теплого сентябрьского ветра мягко подтолкнул в спину, и Раиса, до этого едва передвигавшая ноги, зашагала быстрее. Видавшая виды сумка на колесиках заскакала следом, подпрыгивая на неровностях убитой дождями дороги.

– Потерпи, уже почти пришли, – то ли сумке, то ли себе сказала Раиса.

И действительно, до цели ночного похода было рукой подать – впереди двумя путеводными звездами светились фонари, установленные возле контейнерной площадки, именуемой в народе «Столетовской мусоркой». Знаменита она была тем, что находилась возле дороги, на выезде из микрорайона, и пользовались ее услугами не только жители соседних домов, но и автомобилисты, которые, загрузив в багажник пакеты с мусором, могли проехать не один день и, лишь увидев по пути внушительное сооружение, вспомнить о необходимости освободиться от отходов.

Мусорка пользовалась интересом у определенных слоев населения тем, что на ее высокое ограждение доброхоты вывешивали ненужную одежду, выставляли обувь, которая еще вполне может послужить.

Как-то Раиса обнаружила здесь абсолютно целую дубленку.

Очевидно, хозяйка сдала ее в химчистку, и после стирки вещь немного села и скукожилась. Хотя по-прежнему оставалась теплой и приличной. В ней даже на улицу не стыдно днем выйти. Но сейчас еще тепло, в дубленке особо не пощеголяешь, и Раиса передвигается в основном по ночам.

Не очень приятно, когда вслед тебе тычут пальцами и говорят пренебрежительно: бомжиха. А какая она бомжиха? Жилье у нее есть. Вполне определенное место жительства. Правда, без воды, света и газа. Но крыша над головой имеется.

Когда-то, при СССР, таких, как она, называли бичами, что расшифровывалось как «бывший интеллигентный человек». А что такое интеллигентность? Наверное, это, в первую очередь, способность мыслить. А мыслить Раиса в последнее время стала гораздо больше, чем когда бы то ни было. Жизнь, которую она вела, сделала ее философом. Пусть доморощенным, но все-таки философом. Опять же здесь, на мусорке, она несколько раз натыкалась на книги, аккуратными стопками выставленные у забора. Их Раиса забирала в первую очередь. Их и еще одежду. Больше ничего. До того, чтобы выискивать в помойке еду, она еще не докатилась. И, даст Бог, не докатится.

А книги разные попадались. Один раз еле доперла до дома аккуратно перевязанную веревкой стопку. Развязала – и хоть плачь, хоть смейся: «Справочник металлиста» в пяти томах, все как на подбор толстые, ярко-алые, и шесть томов – «Проектирование цехов машиностроительных заводов». Полистала – всё какие-то таблицы, формулы. Выбрасывать не стала, стоят на подоконнике рядом.

А один раз нашла «Американскую трагедию» Драйзера в двух томах. Так не то что прочитала – проглотила. Два дня не выходила из дома, а когда дочитала, долго плакала. Любовь, страсть, расчет, предательство, убийство... Книга захватила в плен и долго не выпускала.

В этот момент размышления Раисы прервал жуткий звук: где-то совсем рядом завyla собака. От страха сердце подскочило к горлу и мелко-мелко задрожало. А вой дошел до невыносимо высокой ноты, а потом сорвался на отрывистый лай.

«Собака, это всего лишь собака», – попыталась успокоить себя Раиса, но сердце вдруг замерло, парализованное первобытным страхом, вылезшим из самых потаенных глубин подсознания.

«К покойнику», – поняло оно.

«Предвззсудки», – возразила ему Раиса.

Но разве можно переспорить собственное сердце?

Раиса попятилась, наступила на сумку, не удержала равновесие и упала, больно ударившись коленкой. Сумка, загрохотав, упала рядом. Вой прекратился, от мусорки шарахнулась тень.

– Вот видишь, – сказала себе Раиса, – это всего лишь собака.

Пес, такой же облезлый и худой, как Раиса, поджав хвост, рванул в темноту, а за ним призрачной туманной дымкой потянулся Раисин страх.

Нет, собак она не боялась. Гораздо страшнее люди.

С трудом поднявшись, Раиса подошла к ограде. Нога болела, но не зря же она проделала весь этот путь, чтобы теперь уйти вот так, с пустыми руками. Тем более внизу, под баками, громоздилась большая куча одежды. Наверняка найдется что-нибудь по размеру.

Спешить Раиса не стала. Сначала осмотрела выставленную у ограждения обувь. Неплохие кроссовки без шнурков оказались малы. Туфли побольше вроде впору. Они мужские, но вполне можно носить под брюки. Правда, левый немного скособочен, ну да ладно, сойдет.

Сунув туфли в сумку, Раиса подошла ближе к контейнерам.

Наклонилась, чтобы получше рассмотреть потенциальную добычу, и приглушенно вскрикнула от ужаса. Это была женщина. Прикрытая простыней и явно мертвая, потому что у живых не может быть такого взгляда.

Раиса присмотрелась к женщине – за годы походов по свалкам она успела свести шапочное знакомство с некоторыми «коллегами» и боялась увидеть знакомое лицо. Ей двигала вовсе не жалость, а, скорее, боязнь, что она может оказаться следующей. Но эту женщину Раиса определенно никогда не видела.

Очевидно, ее ударили по голове – волосы справа слиплись от крови. Под левым глазом фиолетовой кляксой темнел синяк. Но это не мешало ей улыбаться. Хотя улыбка эта была какой-то неприятной. Издевательской, что ли? Не каждому понравится, когда на него смотрят с такой улыбкой. Не каждый стерпит ее молча, не ответив резким словом. Или ударом по голове.

«Кто ты? – мысленно спросила Раиса у незнакомки. – Такая же, как я, собирательница полезностей на задворках чужих жизней или..?»

Любопытство пересилило отвращение и страх. Раиса присела перед женщиной на корточки и потянула за край простыни...

Федор Лебедев придержал дверь подъезда, выпуская старушку с собачкой, и вежливо поздоровался:

– Здрассти!

Старушка покосилась на него и пробормотала что-то себе под нос: то ли ответное приветствие, то ли что-то вроде «ходят тут всякие». И хотя «всяким» Федор не был – жил в этом доме уже почти три года и с бабулей этой уже сто раз сталкивался, но ход ее мыслей был прост, как элементарная консольная программа: люди, живущие в престижном особняке в центре города, должны выглядеть соответствующе. Например, как Кристина Светлова, генеральный директор детективно-консалтинговой фирмы «Кайрос», в которой работал Федор, чью идеальную прическу, казалось, не в состоянии был нарушить даже самый сильный ураган. Или ее зам, Тимур Молчанов, в прошлом владелец крупного банка, чьи идеально сидящие костюмы куплены явно не в масс-маркете[1 - Подробнее с сотрудниками агентства «Кайрос» можно познакомиться в романе Ирины Грин «Бог счастливого случая»]. Да и сама бабуля одета вполне прилично, и оскаленные в презрительной ухмылке зубы явно изготовлены в дорогой стоматологической клинике. Пес немного подкачал – пушистый плоскомордый малорослик с выпученными глазами. Тут больше бы подошла борзая с аристократически удлиненной маленькой головкой или королевский дог. И пусть дому, слегка облезшей трехэтажке, уже больше ста лет и часть квартир в нем не особо приспособлена для жилья, но когда-то, при прежних хозяевах, личности, одетые, подобно Федору, в мятые футболки, драные джинсы и кеды, чьи высунутые до предела языки делают их похожими на гончих псов, входили в него исключительно с черного хода. Конечно, кеды были нарочито уродливыми, а драли джинсы не собаки, а стилисты, но объясняться Федор не собирался. Ему нравилось эпатировать окружающих своим внешним видом, и он не собирался отказываться от этой привычки.

Квартира, в которой обитал Федор, принадлежала бабушке его институтского друга Михаила Кондратьева. Когда-то она была частью огромной бальной залы. (Именно так – не зала, а залы.) Высоченный потолок, огромное окно, напротив окна – самый что ни на есть настоящий камин и... И все. Сразу за окном шла глухая стена – после революции из залы «нарезали» десяток комнат, в которых поселилось три десятка жильцов.

Прадед Михаила, Иван Кондратьев, занимал какой-то важный пост, и ему достались апартаменты с отдельным входом. В остальную часть бывшей залы

попасть можно было из другого подъезда – того самого черного хода. Ивану Кондратьеву несказанно повезло: у него было отдельное жилье. Немного омрачало радость отсутствие удобств. Но Кондратьев был человеком рукастым, опять же высокий пост позволял пользоваться бесплатной рабочей силой, и вскоре кусок залы обзавелся крошечной кухней, таким же микроскопическим санузлом и небольшой комнаткой без окон – кабинетом.

Через пару лет прадед женился. Перегородка, делившая комнату на части, была сдвинута, что позволило увеличить кухню, соорудить в туалете душ и расширить кабинет. Еще через пару лет кабинет превратился в детскую, которая в свою очередь преобразовалась в спальню. И в таком виде квартира просуществовала много десятилетий. После смерти Ивана Кондратьева хозяйкой стала его дочь, Александра Ивановна Кондратьева. Умирая, она завещала квартиру своему внуку, Михаилу, при условии, что она навсегда останется в этом доме.

Бабушку Шуру Михаил Кондратьев очень почитал, хотя в душе считал ее натурой несколько взбалмошной и эксцентричной. Подпись нотариуса на завещании подтверждала дееспособность бабушки в момент его составления, поэтому причин для оспаривания последней воли покойной не было. Да собственно, и не собирался никто оспаривать.

Впервые оказавшись в квартире Михаила, Федор впал в ступор. Высоченный потолок, как в торговом центре, голые белые карапузы, водившие хоровод вокруг люстры – здоровенной грозди хрустальных шариков на немыслимо длинной золоченой цепи... А еще камин. Самый настоящий камин – огромная черная пасть, напоминающая портал в Майнкрафт. Немного портило картину нагромождение чисто женских безделушек на венчавшей его полке. Каких-то нелепых ваз, банок, склянок, фарфоровых мишек, собачек, младенцев и иже с ними. А еще выше висел портрет женщины с таким властным выражением лица, что Федор поначалу даже немного струсил – сейчас его стопудово попросят из этой немыслимой квартиры.

– Это моя бабушка Шура, – пояснил Михаил. – Тут она не очень на себя похожа. Слишком важная. На самом деле она была очень добрая. И даже художнику сказала, что портрет получился отличный, хотя на самом деле он ей не понравился. Художник, кстати, был очень известный.

После слова «была» Федор расслабился и, пропустив между ушей фамилию художника, рванул к монитору компьютера Михаила, возвышавшемуся на столе

слева от камина. Сам по себе стол был довольно большим, но по сравнению с камином, люстрой и портретом казался детской игрушкой. Как и наиудобнейшее кресло с рыжим кожаным сиденьем, высокими подлокотниками и спинкой из черной сетки.

Кресло протяжно скрипнуло, когда Федор с восторженным «ух ты!» плюхнулся в него. А комп у Мишки был так себе. Лебедевский ноутбук покруче. И главное – приспособлен для жизни в университетской общаге, где «все вокруг колхозное и все вокруг мое». И где «покой нам только снится» и уединиться можно разве что в туалетной кабинке, да и то не всегда. А у Мишки – пожалуйста. Хоть в спальне, хоть в кухне. Да хоть рядом с ним, за тем же столом на трехногом табурете. Именно здесь они склепали свой первый сайт. И пусть дизайн его был предельно аскетичен, а содержание страниц – статично, но наличие чата и форума позволило получить первые оценки своей работы, а также предложения от потенциальных заказчиков.

После окончания университета пути друзей разошлись.

Михаил с лету устроился в престижную IT-компанию, а Федору все как-то не везло. Если бы для приема на работу требовалось только умение писать коды, то проблем бы не было. Но первоначально нужно было преодолеть заслон в лице эйчаров[2 - HR-менеджеров, менеджеров по персоналу.], которыми обзавелись все мало-мальски уважающие себя конторы. И эйчары эти, мило улыбаясь, задавали какие-то вопросы, абсолютно не касающиеся работы, и потом, так же мило улыбаясь, обещали перезвонить через неделю. И не перезванивали. А на попытки Федора узнать, в чем, собственно, дело, ему отвечали, что, к сожалению, вакансия уже занята. И только в одной из фирм девушка-секретарь, сжалившись над невезучим соискателем работы, сказала, что результаты собеседования показали расхождение его мотивационных и поведенческих аспектов с общей стратегией фирмы.

– А что это значит? – спросил Федор.

На что девушка неопределенно пожала плечами.

Вернувшись домой – после окончания университета «домом» Федора стала комната на восьмерых в хостеле с идиллическим названием «Дубки», – он забрался в свою кровать, задернул тяжелую синюю штору, отделявшую его

«апартаменты» от остального мира, надел наушники для обеспечения необходимой степени уединения и долго гуглил непонятную фразу. Для верности еще поинтересовался на форуме, что эта словесная конструкция может обозначать и как с этим бороться.

– Ненадежный ты, брат, и безответственный, – пояснил один из интернет-гуру.

Лебедев с подобным вердиктом был абсолютно не согласен. Он считал себя достаточно надежным. И даже как-то имел возможность взять на себя ответственность. Один раз. На третьем курсе, уже в конце учебного года, он познакомился с девушкой, которая предложила отправиться на майские праздники в Адыгею. Типа, красота, дикая природа. Если честно, такие варианты отдыха Лебедеву не нравились. Пустая трата времени. Красоту можно и в интернете посмотреть. Но девушки у него появлялись нечасто, и разбрасываться ими ему был не резон. Поэтому Федор скрепя сердце согласился, о чем впоследствии неоднократно пожалел.

Во-первых, в экскурсионной группе он оказался единственным представителем мужского пола, не считая, конечно, водителя автобуса. Во-вторых, девушки оказались любительницами экстрима, и в планах поездки значился рафтинг по реке Белой. Отказаться Федор не смог – мнение о нем у спутниц и без того было не слишком высоким.

– А девушки не замерзнут? – спросил он у инструктора, рыжеволосого здоровяка по имени Кирилл в облегающем гидрокостюме цвета морской волны.

– А мы на что? – скабрёзно ухмыльнулся тот.

Федор подозрительно посмотрел на чересчур говорливого инструктора, взял у него гидрокостюм и пошел в раздевалку. Сказать, что костюм оказался большим – просто слухавить. Он был огромным, и тщедушный Федор сделался похожим на шарпея, ставшего на задние лапы. Везде, где у Кирилла были внушительные выпуклости, у Федора пузырились складки. Наверное, инструктор, в порядке самоутверждения, спецом подсунул единственному мужчине в группе костюм не по размеру.

– Держи! – Кирилл вручил Федору весло. – Сегодня ты несешь ответственность за жизнь девчонок.

Лебедев собрался было возразить, но не успел – вооруженные такими же, как у него, веслами, девчонки с визгом полезли в воду. Причину визга Федор понял, последовав за ними – вода оказалась ледяной. Хваленый гидрокостюм защищал от влаги, но не от холода. Рафт – надувная лодка, казался ненадежным для путешествия по горной реке. У него даже ручек не было, чтобы держаться. Потом оказалось, что ручки есть, только на днище, для ног.

Первые пятьдесят метров путешествие проходило сносно, если не обращать внимания на вмиг заледеневшие ноги, а потом вода вокруг вскипела, подхватила рафт, закружила, девчонки закричали. Водопад ледяных брызг ударил в лицо. Рафт накренился, зарылся носом в воду.

– Гребем! Мощно! – раздался голос инструктора. – Раз! Раз! Федор! Не забывай! Жизнь девчонок в твоих руках! Раз! Раз! Мощно!

И Федор греб, не видя ничего вокруг, пока не услышал крик:

– Отдыхаем!

Он устало опустил весло. Девчонки разом затрещали, делясь впечатлениями, а Федор только крепче стиснул весло – впереди еще почти десять километров сплава, рано расслабляться. И он был прав. Не прошло и пары минут, как река снова зашумела, закипела, подхватила рафт, закружила, словно чайнку в чашке с чаем.

– Гребем! Мощно! Раз! Раз! Раз! – заорал инструктор, и Федор снова греб: раз, раз, раз...

Из этого приключения Федор сделал два вывода. Первый: костюм – это условность. Главное, чтобы было удобно тебе. А что о нем думают окружающие, это их проблемы. Второй: ответственность – это не для него. На этих выводах он сформировал свою жизненную позицию и отступать от нее в обозримом будущем не собирался. И не особо эти принципы Федору мешали. Работу он с горем пополам нашел. Правда, вылетел с нее именно из-за безответственности [3 - Читайте об этом в романе Ирины Грин «Нарушенная заповедь»].

Михаил оказался более ответственным, а может быть, эйчар ему попался более покладистый. Или эйчарша – Мишка умел ладить с женщинами. И почти сразу после университета он попал не куда-нибудь, а в Бангалор, индийскую Кремниевую долину. А перед отъездом предложил Федору жить в его квартире. Просто так, бесплатно. С условием, что тот будет хотя бы изредка наводить порядок, стирать пыль с безделушек на каминной полке и бабушкиного портрета. Последней цели служила метелочка из перьев какой-то диковинной птицы. Не иначе, как той самой птицы счастья, которую Мишка поймал за хвост и вслед за которой оказался в Индии.

С тех пор друзья пару раз в месяц общались по скайпу. Мишка звал Федора к себе, обещал помочь с работой. Но Федор отказывался. Что он забыл в этой Индии? Посмотрел картинки, побродил по форумам. Бангалор – город контрастов.

С одной стороны, крупнейший в Индии научный и индустриальный центр, с другой – жара, мошки и, главное, – отсутствие привычной еды. И, опять же, любимые принципы. Потерять их – значит потерять себя. Вон Мишка уже даже не Мишка вовсе, а Майкл. А Федор, значит, станет каким-нибудь Теодором или Тео.

Беспринципным и бесхребетным Тео, который только и делает, что дебажит чужие коды[4 - Исправляет чужие программы.], не получая от этого никакой радости. То есть работать за деньги, работать, чтобы жить. Нет, такая работа Федору не требовалась – принципы дороже. Хотя...

Хотя была одна девушка, ради которой он готов был поступиться своими принципами.

Ася. Чужая невеста, без пяти минут чужая жена...

Как всегда, от грустных мыслей захотелось чего-нибудь пожевать.

– Так, кто тут у нас сегодня не доживет до утра? – зловещим тоном произнес Федор, открывая морозилку и рассматривая упаковки с готовой едой. – Что у нас тут? Рататуй с курицей и овощами. Хм, рататуй... Что за байда такая? Соте из говядины и овощей... Не помню, чтобы я такое покупал. Плов с мясом. Это уже получше. А это что? Лазанья классическая... Вот, лазанья. Или плов?

Федор вытащил обе упаковки, придирчиво обнюхал, ткнувшись носом в заинедевельный картон, и решил остановиться на лазанье.

Заурчала микроволновка, и Федор, в ожидании ужина, прошел в комнату, уселся на диван, взгромоздив ноги на стоящий рядом журнальный столик, положил на колени ноутбук. Пока тот грузился, взгляд упал на портрет бабушки. В глазах ее стоял невысказанный упрек.

– Ну что тут такого! – попытался оправдаться Федор. Бабушка не любила, когда он питался полуфабрикатами. – Это же лазанья, а не доширак какой-то. Завтра, обещаю, сварю овсянку. Была у меня где-то...

Разговаривать с портретом бабушки Федор начал практически в день переезда в Мишкину квартиру. Видно, художник и в самом деле обладал большим талантом – Федор готов был голову дать на отсечение, что выражение лица портрета менялось в зависимости от обстоятельств.

Когда он вернулся, проводив Мишку в аэропорт, бабушка на портрете была какой-то потерянной. Куда делась злая тетка, смутившая его в первый визит в квартиру Кондратьевых?

Глядя в грустные глаза, Федор, сам не зная, что это на него нашло, вдруг сказал:

– Да норм все будет, норм. Глядишь, пара месяцев, и вернется наш Мишка.

И тут – то ли глюки, то ли факт – в бабулином взгляде появились нотки благодарности. Сначала Федор счел это первыми звоночками от поехавшей крыши. Но прокачав в интернете вопрос о разговоре с портретами, нашел стих Маяковского, в котором мужик докладывал об окружающей обстановке фотографии Ленина[5 - Владимир Маяковский. «Разговор с товарищем Лениным», 1929.].

Динамичненький такой стих. Федору даже понравился, хотя спецом в поэзии он не был.

С тех пор он взял за правило каждое утро с портретом здороваться, уходя, сообщать, в котором часу ориентировочно вернется. А бабушка, конечно, без

Мишки скучала, но постепенно свою не востребованную любовь перенесла на Федора. А ему, не избалованному подобным отношением, было приятно.

Микроволновка, звякнув, выключилась.

Федор потянул носом – пахнет вроде съедобно. И вдруг внимание его привлёк странный звук за дверью. Как будто собачка встреченной недавно соседки скребется и потихоньку поскуливает.

Запах лазаньи усилился, и Федор решил игнорировать нарушающий спокойствие шум. Но пес, или кто там был за дверью, снова поскребся, и Федор подумал: а вдруг бабуля носится по улице в поисках питомца.

А он, Федор, выходит такой и говорит: «Здравствуйте, бабушка, вот она, собачка ваша. Берите, пользуйтесь!»

И соседка обнимает его и, обмочив слезами футболку, заявляет: «Спасибо, дорогой Федя... – нет, Федя это как-то слишком, – спасибо...»

Прижав плечом плохо открывавшуюся по причине древности дверь, Федор повернул защелку и замер: на пороге, прислонившись спиной к стене, сидела абсолютно незнакомая девушка с залитым кровью лицом.

Первым желанием было захлопнуть дверь, но тут девушка покачнулась и стала медленно заваливаться в квартиру. Федору ничего не оставалось, как поддержать ее и, перетащив через порог, уложить на пол в зале.

Бросив мимолетный взгляд на бабушкин портрет, он увидел, что она не одобряет подобное вторжение.

– Ну, не бросать же ее было на лестнице, – пояснил свои действия Федор и сосредоточил все свое внимание на девушке.

Ее нежно-голубое платье, испачканное кровью, задралось, обнажая длинные ноги в светлых колготках. Платье, колготки и еще маленькая сумочка, которую незнакомка сжимала в руках, – больше никакой одежды не было. Ни обуви, ни куртки – сентябрь все-таки, по вечерам уже довольно прохладно.

Федор вышел на лестницу, прислушался к звукам подъездной жизни.

Тишина.

На всякий случай подергал ручку двери квартиры напротив. Закрыто. И что дальше?

В подобной ситуации Федор оказался впервые и, что нужно делать, не знал.

Первой мыслью было, как обычно, поискать ответ в интернете, но, решив, что быстрее будет спросить у кого-нибудь из коллег, выудил из кармана телефон и набрал номер Кристины. Конечно, он бы с большим удовольствием позвонил Асе, но побоялся напугать или огорчить ее. А в том, что Ася расстроится, он был абсолютно уверен – она всегда пропускала через себя чужие проблемы, поэтому люди с пол-оборота проникались к ней доверием.

– Федор? – раздался в трубке голос Кристины.

Узнав о причине звонка, она спросила:

– Девушка хоть живая?

– Да вроде живая. Не знаю я. Как проверить?

– Пульс пощупай на шее. Сбоку. Приложи два пальца.

Федор бросился к девушке, откинул слипшиеся от крови волосы, прижал пальцы к шее. Сначала ничего не было слышно, потом подушечки ощутили едва уловимые толчки.

– Есть! Есть пульс! – радостно заорал он в трубку.

– Звони в «Скорую». Мне приехать?

– Пока не надо!

«Скорая» название свое оправдала – приехала очень быстро.

– Ты ее? – спросил молодой – гораздо моложе Федора – врач, посветив фонариком в глаз девушке.

Только сейчас Лебедев понял, что в попытках нащупать пульс испачкал руки в крови.

– Нет! – Он затряс головой. – Нет! Она сама.

– Сама? – понимающе усмехнулся врач. – Мы ее забираем.

– Куда забираете? – не понял Федор.

– В больницу, куда же еще. Рану нужно зашивать, и на сотрясение похоже.

– А можно с вами?

– Давай! Возьми ее вещи.

– Какие?

– Ну, переодеться хотя бы. Не будет же она в этом. – Врач кивнул на перепачканное кровью платье девушки.

Федор принялся объяснять, что вещей девушки у него нет, что видит он ее в первый раз, и откуда она взялась такая раздетая с дыркой на голове, он понятия не имеет.

«Ну-ну, пой, ласточка, пой!» – прочитал он в ответном взгляде врача.

До машины «Скорой» Лебедев донес девушку на руках, предварительно укутав ее в простыню и натянув на ноги собственные тапочки. Сумочку девушки он предусмотрительно сунул в карман.

Хрупкая и на вид абсолютно невесомая, незнакомка оказалась довольно тяжелой, и последние шаги дались Федору с трудом. Но, похоже, судьба, не считаясь с его мнением, назначила его ответственным за жизнь этой девушки. А посему отступать некуда.

«Как говорится – взялся за гуж, – тут Федор посмотрел на свои руки и закончил мысль, – не забудь сходить в душ».

Глава 2

– А мне куда? – спросил Федор у медсестры приемного покоя, женщины необъятных размеров в голубом медицинском костюме, смахивающем на пижаму, когда каталка с его ночной гостьей, прогрохотав по бесконечному коридору, скрылась за одной из дверей.

– А ты тут сиди. Жди, – с укоризной в голосе заявила она.

– Полицию? – Федор был уверен, что сейчас обязательно приедут представители правоохранительных органов, и они вместе отправятся к нему домой. Полицейские будут искать улики, снимать отпечатки пальцев...

– Подругу свою жди, – оборвала его фантазии медсестра. – Сейчас рану обработают, и домой потопаете.

– Как потопаем? – удивился Федор. – У нее же кровь! И сотрясение мозга!

– Ногами потопаете. Как все нормальные люди. Ну, или такси вызовете. Надо же! Ни паспорта, ни полиса...

Тут дверь приемного покоя распахнулась, впуская очередного пациента, и медсестра с неожиданной для такого большого тела грацией устремилась к нему навстречу. А Федор уселся на серый дерматиновый диванчик, очевидно являющийся его ровесником, и приготовился ждать.

Минут через пятнадцать его терпение иссякло. Он встал, прошелся по коридору, рассматривая плакаты с призывами бороться с туберкулезом, сахарным диабетом, гипертонией, вирусными инфекциями и прочими врагами рода человеческого. Изучил пирамиду здорового питания и с тоской подумал о лазанье, ожидающей его дома.

Как бы ему хотелось оказаться сейчас на своем диване. В руке тарелка с едой, на коленях – ноутбук, и всего один клик отделяет тебя от привычного мира, где хорошо и уютно. Где, по большому счету, никому ничего от тебя не надо и не требуется совершать поступки, не вписывающиеся в ежедневный оборот событий.

Одним словом, Федор уже тяготился принятой на себя миссией спасения и опеки. Это в виртуальном мире подобная миссия захватывает и заставляет забыть обо всем на свете. В реале она начинала раздражать. Словно гвоздь в стуле. Словно...

Звонок телефона не дал найти нужное сравнение. Судя по рингтону, звонил кто-то из своих. Федор полез в карман и вместе с телефоном выудил сумочку девушки, о которой успел забыть.

– Федор, как ты? – уверенный голос Кристины несколько успокоил Лебедева.

– В больнице, – ответил он, прижав трубку плечом к уху и одновременно пытаясь открыть сумочку.

– Помощь нужна?

– Спасибо, я пока справляюсь.

– Хорошо. Если что – звони.

Заверив начальницу, что в случае каких-либо форсмажоров он пренебреженно прибегнет к ее помощи, Федор снова уселся на диванчик и вывалил на его издававшую виды обивку содержимое девушкиного ридикюльчика.

Перво-наперво внимание его привлекла розово-голубая пластиковая карточка водительского удостоверения, выданного Алисе Лопуховой. Внимательно всмотрелся в испуганное девичье лицо. Какое-то невыразительное, пресное и скучное, оно никак не вязалось с незнакомкой, которую, казалось, окружал ореол опасности. Кроме прав, в сумочке ничего интересного не нашлось. Обычные женские прибабасы – тюбик помады, круглая пудреница и пузырек без этикетки с каким-то порошком. Ни денег, ни карточек, ни телефона. Очевидно, их забрал напавший на девушку злоумышленник.

Сложив все обратно, Федор зажал сумочку под мышку и застыл в нудном бездеятельном ожидании. Минут через десять он начал клевать носом и уже почти заснул, когда почувствовал, как сумочка выскользнула из-под его руки. Он встрепенулся, вскочил и чуть не сбил с ног девушку, которая пыталась забрать сумочку.

Рассыпавшись в извинениях, Федор внимательно разглядывал причину своего резкого пробуждения. В том, что это та самая девушка, ради которой он пожертвовал лазаньей и спокойным вечером в обнимку с ноутбуком, сомнений не было.

Несмотря на марлевую наклепку на лбу и сосульки волос, свисающие вдоль бледного лица, выглядела она довольно привлекательно. Да что там привлекательно! Девушка оказалась редкой красавицей – огромные серые глазищи в густых зарослях ресниц, тонкий, чуть вздернутый нос, высокие скулы, большой чувственный рот. А ниже запачканное кровью платье обтягивает маленькую аккуратную грудь. Все естественное, натуральное, не испорченное ухищрениями индустрии красоты.

– Алиса? – спросил Федор.

В серых глазищах мелькнул ужас.

– Да, – испуганно произнесла она. – Мы знакомы?

– Нет... да... сумочка... случайно... Вот, – окончательно запутавшись в словах, пробормотал он.

– Ах, ну да, права, – понимающе кивнула она и поморщилась – очевидно, движение оказалось болезненным.

– А разве вы..? Не в больнице..?

– Нет, – она покачала головой и снова поморщилась. – Врач сказал, что рана не опасная. Велел три дня лежать и пить таблетки.

Слово «велел» почему-то напомнило Асю. Федор вспомнил пустую сумочку, без намека на деньги.

– Я отвезу вас домой. Сейчас такси вызову и отвезу, – Федор полез за телефоном, и тут, к его ужасу, Алисины глазища наполнились слезами.

– Я далеко живу, – сказала она чуть слышно.

– Ничего, денег хватит, говорите адрес.

– Я очень далеко живу. В другом городе. Отвезите меня на автовокзал, если можно. Я переночую, а утром...

Она опустила голову. Огромная слеза стремительно скользнула по щеке, сорвалась и упала на платье, как раз туда, где нежно-голубую ткань аккуратно приподнимала маленькая грудь. Федору казалось, что слеза эта каким-то непонятным образом телепортировала ему в голову, вызвав взрыв мозга.

– Какой автовокзал! – вскричал он, и клевавшая носом медсестра, вздрогнув, устремила на него укоризненный взгляд. – Где вы переночуете? С сотрясенными мозгами, да еще в таком виде!

– В каком? – В устремленных на Федора глазах было столько боли, что у него перехватило горло.

– Раздетом, – косясь на медсестру, голосом удавленного просипел он. – И кровь. На платье у вас кровь. Вы же не хотите в результате оказаться в полиции?

– В полиции? – Очередная слеза пустилась в странствие по бледной щеке. – Но почему в полиции? Я же ничего плохого не сделала...

– Значит, так! – заявил Федор. – Переночуете у меня, а утром решим, что с вами делать.

Перепуганные серые глазищи затопило сомнение:

– У вас? Но... Я вас совсем не знаю...

– Зовут меня Федор. Федор Лебедев. Я не маньяк, но документов, подтверждающих это, у меня нет. Придется вам проверить мою порядочность эмпирически. Решайтесь! Квартира у меня двухкомнатная, места предостаточно. По пути заедем в аптеку. Как раз рядом с моим домом есть круглосуточная.

И она решилась. Кивнула и пошлепала в Федоровых тапках на выход.

– До свиданья, – раскланялся Федор с необъятной медсестрой.

– Ну-ну, – усмехнулась та.

Глава 3

– Интересная у тебя квартира. – Алиса, оставив вежливое «вы» вместе с тапками возле входной двери, прошла по комнате и остановилась перед камином. Пару минут разглядывала безделушки на каминной полке, потом подняла глаза на портрет. – А это кто?

– Александра Ивановна. Бабушка Миши, хозяина квартиры. Знаменитый художник, кстати, нарисовал.

В глазах у Алисы промелькнули искры недоверия, и Федор решил усугубить значимость художника.

– Фамилию я забыл, хотя очень известная фамилия. Ты наверняка слышала. Он еще входит в топ-десятку самых знаменитых российских художников.

«Ну что я несу», – недоумевал Федор, но остановиться не мог. Хорошо укатанная лыжня фантазии влекла его дальше и дальше.

– У него еще Майкл Джексон купил картину, когда приезжал в Москву на гастроли, помнишь?

Алиса неуверенно пожала плечами.

– Мишке за этот портрет предлагали пол-лимона. Долларов. А он, прикинь, отказался. Разве можно, говорит, продать бабушку. Представляешь?

Федор посмотрел на портрет и прикусил язык.

Впервые он видел у бабушки такое недовольное выражение лица. Алиса ей явно не нравилась. Непонятно только почему, Ладно, была бы размалеванная, насиликоненная, вызывающе одетая. Может, тут дело в простой женской ревности?

«Это только на одну ночь», – мысленно пообещал Федор.

В кухне пискнула забытая микроволновка.

– Что это? – удивилась Алиса.

– Ужин. Будешь лазанью?

– Лаза-а-а-ню? – вопросительно повторила она. – Можно попробовать. Только сначала хотелось бы умыться и переодеться.

«Ну, конечно, как я сам до этого не додумался!» – подумал Федор и нырнул в шкаф (Мишка называл его важным и старинным словом «шифоньер»).

– Вот. Такое подойдет? – Он протянул Алисе летние шорты и белую, абсолютно новую футболку, которую, еще будучи студентом, урвал на какой-то конференции программеров. Тогда он еще изредка посещал мероприятия, проводимые в реале.

Алиса не ответила. Протянула руку – пальцы тонкие, озябшие, как у Снегурочки, – посмотрела на дверь в ванную.

– Сюда? – И, дождавшись Федорова «ага», скрылась за дверью.

Скрипнул шпингалет, послышался шум текущей воды.

Федор пару минут постоял, прислушиваясь к доносившимся из ванной звукам, а потом рванул на кухню.

Через десять минут на стеклянном столике перед диваном исходили паром две тарелки с лазаньей, красовалась двухлитровка колы и два бокала из богемского (так сказал Мишка) хрусталя. Бокалы эти хранились на самой верхней полке кухонного шкафа в темно-синей коробке. Сам Федор из них никогда не пил – предпочитал разномастные кружки из кухонного шкафа. А колу, что греха таить, и вообще хлебал из горлышка. Но ради такого случая решил выпендриться по полной.

Алиса все не шла, и Федор, не выдержав, отщипнул кусочек от своей порции лазаньи. Подождал еще минут пять и отъел уже довольно солидный кусок.

Если так будет продолжаться, ему ничего не останется, как наблюдать за жующей гостьей. Или разогреть еще что-нибудь. Он уже почти склонился ко второму варианту, но тут дверь ванной приоткрылась, выпуская Алису.

Широкий ворот слишком большой футболки не скрывал нежную кожу ее белоснежной шеи и плеч. А шорты вообще ничего не скрывали. Длинные, стройные ноги, торчавшие из широченных штанин, казались бесконечно трогательными и какими-то беззащитными.

Не дожидаясь приглашения, Алиса опустилась на диван. Не села, а именно опустилась, словно белокрылая бабочка-капустница.

Федор подтянул к столику кресло, наполнил бокалы колой и поднял свой:

– Ну, за знакомство.

– За знакомство, – улыбнулась Алиса.

И была она в этот момент так отчаянно красива, что у Федора что-то внутри заколотилось.

– Извини, – сделав глоток, смущенно произнесла Алиса. – Ты не мог бы дать простой водички. Мне нужно таблетки запить, а колой я как-то боюсь.

Федор читал в интернете о вреде колы и в принципе сомнения девушки если и не разделял полностью, то отнесся к ним с уважением. Вот только простой воды в его хозяйстве не имелось. Нет, в кране, разумеется, – хоть залейся. Но не угощать же гостью водой из-под крана.

– Я сейчас сбегаяю, – неуверенно сказал он. – Тут рядом магазин. Круглосуточный. Был...

– Не надо никуда бежать. Налей, какая есть, – остановила его Алиса.

– Сырой? Из-под крана? – уточнил Федор.

– Ну, не из туалета же, – улыбнулась девушка, и Федор расплавился от этой улыбки.

Растекся по креслу, словно сыр в микроволновке. И лишь удивленный взгляд Алисы заставил его миглом осуществить откат к твердому состоянию, вскочить и понестись в кухню.

Он долго и придирчиво выбирал посуду для воды. Еще один бокал? Или вот эту кружку с симпатичной собачкой, чем-то напоминавшей пса бабули-соседки? Будь он девушкой, собачка ему определенно понравилась бы больше, чем чопорный бокал. Или нет? Наконец, решившись, он подставил кружку под кран.

– Спасибо! – Алиса взяла из его рук кружку, и пальцы их абсолютно случайно соприкоснулись.

Сердце у Федора радостно заколотилось, словно хвост у той самой собачки. А потом заколотилось еще сильнее, когда он понял, что Алиса поменяла тарелки, и теперь перед ним стояла не ополовиненная его голодными руками порция лазаньи.

– Мне это много, – пояснила она причину столь выгодной для Федора рокировки.

– Я... да... – Федор посмотрел на нее с благодарностью, сунул в рот здоровенный шмат лазаньи и запил ее добрым глотком колы.

Алиса зевнула, с извиняющейся улыбкой прикрыв рот пальчиками.

– Что-то я засыпаю. – По тону чувствовалось, что ей очень неловко и что она бы всю ночь могла сидеть с Федором, вести разговоры ни о чем и улыбаться, улыбаться, улыбаться...

Тут Федор почувствовал, что он и сам не против поспать немного.

– Я постелю тебе в спальне, – сказал он.

Алиса, конечно, отказывалась, говорила, что ей очень нравится на диване.

При этом, видя, что пытается скрыть смущение, она отчаянно жестикулировала, отчего вырез футболки так и норовил соскочить с ее острого плечика. Она ловила его в самый последний момент, водружала на место, но тут же руки ее вновь принимались дополнять жестами вербальные аргументы, и все начиналось сначала.

Разумеется, победил Федор.

Убедившись, что Алисе удобно и тепло, он добрался до дивана и понял, что сил постелить постель еще и себе, у него нет. Он свалился на диван, даже не сняв джинсы, и мгновенно заснул. Но спокойным сон его назвать можно было с большой натяжкой. Он ворочался, метался. Кто-то пытался схватить его за руки,

и приходилось отчаянно отбиваться, сквозь сон до него доносились чьи-то голоса.

С трудом очнувшись от ночного кошмара, Федор открыл глаза и вдруг понял, что кошмар вовсе не закончился.

Во-первых, у него прямо-таки раскалывалась голова. А во-вторых, он обнаружил, что лежит в спальне на кровати, абсолютно голый. А прямо перед его глазами смутно белеет в полумраке спальни нежное девичье плечо, трогательное и соблазнительное. Лишившись бдительного контроля своей хозяйки, оно так вынырнуло из футболки, заставив сердце Лебедева смущенно трепетать где-то в районе желудка.

«Это сон», – подумал Федор.

Он отлично помнил, как лег на диван. В джинсах. Как он мог оказаться в спальне? Лунатик он, что ли?

Федор представил, как он, растопырив руки, словно зомби, встает с дивана, идет в спальню и ложится рядом с Алисой. Нет! Стопудово сон. И, чтобы подтвердить верность мысли, он ущипнул себя за бок. Получилось довольно чувствительно.

Федор не удержался и резко втянул сквозь сжатые зубы воздух. Тихо, но достаточно для того, чтобы Алиса проснулась.

– Я... это... – Федор не мог найти слов, чтобы оправдать свое поведение.

Получается, он воспользовался беспомощным состоянием девушки. Или не воспользовался? Почему-то он, хоть убей, ничего не помнил. Может, и не было ничего?

Но тут Алиса потянулась к нему, каким-то мягким, кошачьим движением потерлась щекой о его плечо.

– Феденька, какой ты замечательный! Спасибо тебе.

И в ее еще не до конца проснувшихся глазах Федор прочитал – было.

Натыкаясь в интернете на истории о парнях, проснувшихся в постели с незнакомой девушкой, Федор считал это трепом. А тут сам оказался в такой ситуации. Такого в его практике общения с противоположным полом еще не бывало, и он понятия не имел, что делать дальше. Наверное, он должен принести гостье кофе в постель, может, еще еды какой-нибудь?

При мысли о еде к горлу тяжелым комом подступила тошнота. Ладно, ограничимся кофе, а с едой можно повременить. Но как встать, если вся одежда куда-то подевалась?

И тут Алиса пришла ему на помощь.

– Я в душ. – Она вспорхнула с кровати и исчезла за дверь.

Федор дождался легкого скрипа двери в ванную, а затем вскочил и, кривясь от стреляющей в виске боли, бросился на поиски джинсов. Они лежали у дивана неопрятным комом, рядом валялась впопыхах сброшенная футболка.

Прыгая на одной ноге, он одновременно пытался попасть другой в штанину джинсов и обшаривал глазами комнату в поисках трусов, изо всех сил стараясь не встретиться глазами с бабушкой.

«Итак, начнем с кофе», – подумал Федор, отправляясь в кухню.

Кофе у него водился только растворимый. Предлагать его гостье было как-то стремно. А вдруг она такой не пьет? Может, лучше предложить чаю?

Он не успел принять какое-либо решение, как в кухне появилась Алиса. Чистая, свежая, пахнувшая хвойным мылом. Федор всегда покупал именно такое: огромную бутылку темно-зеленой жидкости, которой хватало почти на полгода. На бегу споласкивая руки, он никогда не ощущал его запаха. А очень даже зря. Запах был прямо-таки фантастический. Таинственный, загадочный, тяжелый и одновременно невесомый.

Девушка сменила футболку на успевшее высохнуть за ночь платье. Простое и бесхитростное, оно, тем не менее, было очень красивым.

«Кто же ты, Алиса? Как оказалась на пороге моей квартиры?» – хотелось спросить Федору, но он боялся огорчить ее, спугнуть. Захочет – расскажет. Надо дать ей время.

– Я тоже в душ, – сказал Федор. – Я быстро. А ты пока тут... Кофе, чай, еда в морозилке...

К горлу снова подкатил ком, и Федор, не уточняя, что, собственно, следует делать гостю, рванул в ванную.

Стягивая джинсы и глядя на свое отражение в зеркале – какое-то зеленое, измятое, а еще... тут Федор задумался в поисках подходящего выражения и вдруг вспомнил стихи, многократно цитируемые на просторах сети:

Он раздевался в комнате своей,

не глядя на припахивавший потом

ключ, подходящий к множеству дверей,

ошеломленный первым оборотом[6 - Иосиф Бродский. «Дебют», 1970.].

Впервые наткнувшись на это четверостишие, Федор был буквально сражен концовкой. Прочитал стих Мишке, а тот сказал, что строчки эти тому давно известны. И что написаны они не Васей Пупкиным, как значилось на форуме, а известным поэтом, лауреатом Нобелевской премии.

Федор любил спорить с Мишкой и практически всегда побеждал. Но на этот раз от спора воздержался – стихи и впрямь были достойными. И сейчас, закрыв дверь ванной на шпингалет, чего он за годы проживания в этой квартире никогда не делал – не от бабушки же закрываться, – и уставившись в зеркало, Федор понял: ошеломление! Это именно то самое слово. Но не первым оборотом, нет. Обороты в его жизни пусть не часто, но все-таки случались. Но такого, чтобы не помнить конкретные обстоятельства этого самого действия – такого с ним точно не бывало.

Неужели он сходит с ума? Путешествует во сне, а потом начисто забывает о случившемся? И только сейчас, когда оказался в квартире не один, страшная правда вылезла наружу? И что думает о нем Алиса? Как смотреть ей в глаза

после всего, что случилось. Или все-таки не случилось? Может, там, в спальне, ему показалось, что она как-то по-другому стала к нему относиться? Сейчас пойду и спрошу у нее!

Придя к такому решению, Федор наскоро принял душ, покинул ванную и походкой идущего в бой тореадора направился в кухню.

Алиса пила кофе маленькими глоточками и смотрела на Федора с таким восторгом, что у него кошки заскребли на душе. Ребенок, она же самый настоящий ребенок. Как он мог воспользоваться ее беспомощностью? А она словно почувствовала его терзания. Отставила недопитый кофе, протянула руку, обвила его запястье своими тонкими пальчиками, еще хранящими тепло чашки, прижала его ладонь к своей щеке и потерлась о нее все тем же кошачьим движением.

– Федя, что-то случилось?

– Нет. – Он энергично замотал головой, чувствуя, как с каждым мгновением уменьшается решимость задать интересующий его вопрос.

– Тебе, может, идти нужно куда-то? В институт? Или на работу? Я тебя задерживаю?

Он замотал головой еще энергичнее. На работу, конечно же, надо. Никаких срочностей в перспективе не вырисовывалось, но предупредить Кристину не мешало бы. Она терпимо относилась к опозданиям, но просила в случае каких-либо форс-мажоров ставить ее в известность. А тем более после его вчерашнего звонка. Наверняка волнуется.

Теперь, в свете приобретенного опыта, Федор понимал, что зря потревожил начальницу. Но в тот момент он, конечно, сильно испугался.

Федор полез в карман за телефоном, но Кристина его опередила.

«Где ты?» – Приход сообщения сопровождал чпокающий звук.

В тишине кухни он прозвучал как-то неприлично.

«Надо срочно поменять рингтон», – подумал Федор, обычно никогда не обращавший внимания на такие мелочи, и, не задумываясь, отбил ответ:

«В пробке скоро буду».

Получилось не очень понятно. То ли он скоро будет на работе, то ли находится в преддверии пробки и неизвестно сколько в ней проторчит. Но времени на знаки препинания не было, потому что Алиса, с грустью посмотрев на свои босые ноги, вдруг направилась к двери.

– Ты куда? – вскочил Федор.

– Пойду. – Она пожала плечами.

Федор вдруг подумал, что, несмотря на всю проблематичность положения, девушка не сутулится, не прячет голову в плечи. Привычка? Танцы? Гимнастика?

– Домой поеду, к маме.

– Босиком?

– Ты же дал мне тапочки.

«Она не хочет оставаться со мной, боится, что я снова...» – с горечью подумал Федор.

– Послушай, – он старался говорить как можно убедительнее, – я думаю, тебе не стоит куда спешить. Врач же сказал – лежать. Значит, надо слушаться. Врачи, они плохого не посоветуют. Я сейчас уйду на работу, и квартира останется в твоём полном распоряжении. А вечером приду, сходим в магазин, купим тебе обувь какую-нибудь. Тут рядом можно купить неплохие кроссовки. И курточку не мешало бы. А потом, если захочешь, я отвезу тебя на автовокзал. Устраивает такой расклад?

Алиса добрых полминуты смотрела на него внимательно, а потом кивнула:

– Устраивает.

При этом она слегка поморщилась.

– Болит? – всполошился Федор.

– Да, немножко, – призналась девушка и коснулась пальцами лба.

– Надо немедленно выпить таблетки и лечь.

Она не сопротивлялась.

Федор отвел ее в спальню, уложил в постель и заботливо подоткнул одеяло.

– Подушка не низко? Может, мою возьмешь? – Он приподнял подушку и с ужасом обнаружил под ней свои трусы – алого цвета бомберы с танцующими черными пингвинами в белоснежных манишках.

Идиотский подарок на 23 февраля от администрации фирмы, где он работал до «Кайроса». С момента получения презента Федор надевал его всего пару раз, и надо же такому случиться – вчера именно эти трусы попались ему под руку.

Он снова представил себя в виде зомби, бредущего с закрытыми глазами в сторону спальни, сдирающего с себя футболку, переступающего через штаны...

Захотелось немедленно убиться головой об стену, но делать этого Федор не мог. Теперь он нес ответственность за эту девочку. И пока не сдаст ее с рук на руки матери или кому там еще, членовредительство отменяется.

– Приходи поскорее! – Алиса протянула к нему руки, он волей-неволей нагнулся, позволяя заключить себя в волшебный круг, пахнущий кофе и хвоей.

– Обязательно! – Он коснулся губами ее щеки, такой нежной и теплой, что и без того эфемерное желание отправиться на работу моментально испарилось.

Федору показалось, что он плывет по реке. Ласковые волны несли его вперед, к тихой гавани, где его ожидало бесконечное блаженство. Но стоило его пальцам коснуться того места, где голубую ткань приподнимали два возжеленных

холмика, громовой голос инструктора по рафтингу у него в голове завопил: «На работу! Быстро! Раз! Раз!» Наваждение отступило, и Федор опрометью бросился к двери.

– Я скоро! Захочешь есть – холодильник в твоём распоряжении. И никому не открывай! – крикнул он уже с порога.

Вылетая из подъезда, он чуть не отфутболил намеревавшуюся войти собачку, за что был удостоен презрительного взгляда как животного, так и сопровождавшей его старушки.

Соседка выразительно поджала губы и покачала головой.

«Черт, – подумал Федор. – Она ведь наверняка может что-то рассказать про Алису. Да только не захочет она со мной разговаривать. Вон как смотрит».

– Извините, пожалуйста, – смиренно произнес Федор.

Не ответив, бабуля наклонилась, подхватила пса под мышку и с достоинством королевы скрылась в подъезде.

Глава 4

«Лучше бы не приходил!» – подумал Федор, когда звон колокольчика над дверью возвестил о его приходе на работу.

Недовольство его было вызвано присутствием в офисе майора Щедрого Андрея Геннадьевича. Шумный и чрезмерно разговорчивый майор, похоже, положил глаз на Кристину Сергеевну[7 - О знакомстве майора Щедрого и сотрудников «Кайроса» читайте в книге Ирины Грин «Эффект аметистовых очков».] и наивно полагал, что никто этого не замечает.

Делая вид, что случайно пробежал мимо, он усаживался рядом с Кристининым столом, пил кофе и рассказывал Кристине и Тимуру Молчанову абсолютно иррелевантные новости, а то и просто скабрёзные, непомерно бородатые

анекдоты.

Кристина с Тимуром считали, что знакомство с майором – вещь стратегически нужная, поэтому всячески привечали его. Вот и сейчас Щедрый, дружелюбно кивнув Федору, продолжил очередную историю:

– В следующий раз муж увидел у жены новые туфли. «Представляешь, – говорит она, – иду по улице, смотрю: на скамейке коробка. Открываю – туфли. Абсолютно новые! И как раз такие, о каких я мечтала. И главное, представляешь, размер мой!» Через неделю – бац – у жены кольцо с бриллиантом. Муж спрашивает: «Откуда колечко?» Она отвечает: в троллейбусе уронила десять рублей. Наклонилась, чтобы поднять. Вижу – кольцо. И размер – точь-в-точь мой! «Везет тебе, – говорит муж. – А я только трусы позавчера под подушкой нашел. Красные. Вроде бы ничего, но ношенные и размер не мой».

Тут Федор, тихо проскользнувший на свое рабочее место и вполуха слушавший майорский бред, вскочил, словно ошпаренный.

– Какого черта! – заорал он. – Пока вы тут байки травите, на мою девушку напали и чуть не убили.

– На девушку? – удивленно переспросил Щедрый, тем самым подлив масла в огонь лебедевского гнева.

– Да, на девушку! И никому дела нет!

– Подожди, Федя, не кипятись, – попыталась урезонить разошедшегося программиста Кристина.

– Как зовут девушку? – отбросив веселость, спросил Щедрый.

– Никак! – отмахнулся Федор, возвращаясь на место.

– Никак – это имя или фамилия? – не отставал майор.

Отвечать Федору не хотелось. В вопросе ему чудился подвох. Небось, думает: «А был ли мальчик? Или история про девочку – плод фантазии просидевшего всю

ночь в интернете программиста?»

– Алиса ее зовут, – нехотя ответил Федор. – Алиса Лопухова.

Лебедев натянул наушники, отгораживаясь таким образом от очередных вопросов, и сделал вид, что с головой ушел в работу. Но от его внимания не ускользнули взгляды, которыми обменялись Тимур, Кристина и майор. Потом Щедрый позвонил кому-то, и Федор уловил дважды произнесенную фамилию Алисы – Лопухова.

«Надо успокоиться», – скомандовал себе Федор.

Легко сказать – после внезапной вспышки гнева пальцы сами собой сжимались в кулаки.

Он включил компьютер, попутно выудив из стола пачку соленых орешков. Привычные движения успокаивали. Федор просмотрел почту. Ничего срочного, не явись он сегодня на работу – никто бы и не заметил, но все равно напустил на себя вид бесконечно занятого человека.

– Слышишь, Федор! – Лебедев обнаружил Щедрого, материализовавшегося у его стола. – И правда была такая, Алиса Лопухова. Поступила с травмой головы и легким сотрясением мозга. Заявила, что упала сама. От госпитализации отказалась и была отпущена домой. Никакого криминала.

– Конечно, никакого криминала, – возмутился Федор. – Да ее чуть не убили у меня на пороге. Кристина Сергеевна в курсе.

– Да? – Щедрый вопросительно посмотрел на Кристину.

– Да, Федор мне звонил, – подтвердила Кристина и подошла ближе к Федорову столу.

– Чуть – не считается, – заявил Щедрый. – Вот сегодня на Столетовской мусорке женщину нашли с пробитой головой. Ту на самом деле убили...

– То есть считаете, что Алисе нужно дожидаться, когда ее действительно убьют и выбросят на мусорку и тогда полиция заинтересуется этим делом? – Федор содрал наушники с головы и в сердцах бросил их на стол.

– Андрей! – Кристина взяла майора за локоть, пытаясь вывести из зоны лебедевского гнева.

– Нет, ну правда, Кристина Сергеевна! Почему такая несправедливость?

– Кто тут обижает нашего компьютерного гения? – Под пронзительный звон колокольчика в офис ввалился Рыбак в сопровождении Аси. – Привет, Геннадьич.

Рыбак обменялся рукопожатиями со всеми присутствующими, Ася чмокнула Кристину в щеку.

– Так, что у нас тут за спор? – повторил Иван, усаживаясь на стул возле лебедевского стола.

– Да ничего особенного, – буркнул Федор. Почему-то при Асе ему расхотелось продолжать разговор об Алисе. – Андрей Геннадьевич сначала порадовал нас анекдотом на тему семейной измены, а потом рассказал страшный случай.

– Что за случай? – заинтересовался Рыбак. – Я в курсе?

– Скорее, нет, – скривился Щедрый. – Да и не рассказывал я, просто к слову пришлось. Труп сегодня утром обнаружили. Кто-то женщине раскроил голову и выбросил на помойку. Ни документов, ни одежды...

– Как? Совсем без одежды? – уточнил Рыбак.

– Совсем, – подтвердил Щедрый.

– Какой ужас! – охнула Ася.

– Сто процентов преступление на почве страсти, – заявил Рыбак и, сделав огромные глаза, плотоядно посмотрел на Асю.

– Кофе? – поинтересовался Молчанов, которому тема обнаженных женских трупов явно не пришлась по душе.

– Кофе? – Щедрый посмотрел на часы. – Я бы с удовольствием, но, скорее всего, в другой раз.

Предложи Кристина выпить кофе на дорожку, майор остался бы, но гендиректору «Кайроса» в данный момент было не до реверансов – дальнейшее укрепление отношений с Щедрым можно отложить до следующего раза. Гораздо главнее спокойствие Федора, которого каждое слово майора выводило из себя.

– А мне хочется моккачино, – заявила вдруг Ася, проводив взглядом Щедрого.

– Моккачино? – Кристина посмотрела на Федора, казалось, с головой ушедшего в изучение информации на мониторе, перевела взгляд на Молчанова, мысленно поручая ему поддержание порядка в фирме, и тряхнула головой (при этом ни один волосок из ее прически не сдвинулся с места). – Пусть будет моккачино.

Моккачино готовили в баре, находившемся в двух шагах от офиса «Кайроса».

Впервые услышав, как Ася горячо рекламирует его Кристине, Тимур, негласно взявший на себя обязанности офисного баристы, изучил немудреную технологию приготовления понравившегося сотрудницам напитка и предложил им его в своей интерпретации.

Однако слишком сладкий и ароматный напиток в офисе не прижился. Кристина пила черный кофе без сахара, Ася же вообще предпочитала чай. Тимур сделал вывод, что поход за моккачино – не что иное, как желание обсудить свои «девчоночьи» дела без посторонних ушей.

Глава 5

Кристина, смеясь, называла это кафе «Мишка». Желтые плюшевые (хозяин кафе, наверное, считал их золотыми) шторы и скатерти, желтый ковер на полу, многочисленные подушки и валики и впрямь напоминали детскую игрушку.

– Ну что? – спросила Кристина, когда, сделав заказ, подруги устроились за столиком у окна. – Сколько вы еще будете тянуть со свадьбой?[8 - О том, почему не состоялась свадьба Аси и Рыбака, читайте в романе Ирины Грин «Сквозь аметистовые очки».] Наряды куплены, подарки приготовлены, а вы всё молчите и молчите.

– Да понимаешь... – Ася замялась, наблюдая, как официант выставляет с серебряного подноса чашки.

– Понимаю, – не дождавшись внятного ответа, взяла на себя инициативу Кристина. – Из-за Лебедева.

Ася с грустной миной взяла чайную ложку.

– Да нет же...

– Да да же, – передразнила ее Кристина. – А тем временем Федор завел себе девушку.

– Федор – девушку? – не поверила Ася.

– Если бы кто-то пришел на работу вовремя, то услышал, как он лично об этом сообщил.

– Вот так прямо сказал – у меня есть девушка?

Кристина кивнула и рассказала о вечернем звонке Федора.

– Интересно было бы на нее взглянуть, – сказала Ася.

– Вот и повод устроить свадьбу. Пригласишь Федора с девушкой и удовлетворишь таким образом свое любопытство.

– Кто о чем, – добродушно проворчала Ася.

Свадьба – это, конечно, перегиб, но разузнать подробности о Федоровой пассии очень хотелось.

Ася была не одинока в своем желании. Федор, хоть и находился на рабочем месте, не мог думать ни о ком, кроме Алисы. Как-то странно получилось: кроме имени ему ничего о ней не известно. Прямо как в поговорке: «постель – не повод для знакомства». Хотя разузнать, пожалуй, не сложно. У такой красивой девушки, как она, наверняка есть страничка в Инстаграме, где она выкладывает свои фотографии на радость многочисленным подписчикам.

Продолжительные поиски показали, что страничка у Алисы действительно имелась. Судя по всему, селфизмом девушка не страдала: всего двенадцать фотографий. Ни одного крупного плана – какие-то люди в странных костюмах. Театр, что ли?

И только с последней, запиленной пять лет назад, судя по дате сразу после школьного выпускного вечера, была снята Алиса в голубом платье – Федору даже показалось, что это было то самое платье, в котором он ее вчера нашел, – в компании двух расфуфыренных девиц, жизнерадостно улыбающихся в камеру. Фотографы из девчонок получились не очень – почти половину кадра занимала рука одной из девушек.

Подружек Алисы Федор вычислил сразу: жительницы города под названием Новолапинск, Валентина Гаврилова и Елена Михайлова. Перейдя на страничку Елены, он обнаружил ее изрядно увеличившуюся в объемах хозяйку в окружении кулинарных шедевров. Торты, чизкейки, панкейки – похоже, Елена увлекалась выпечкой. В желудке противно заурчало, и Федор сбежал «в гости» ко второй подружке.

Валентина Гаврилова стала матерью двоих детей. Попадая на такие странички, Федор обычно молниеносно ретировался. Никак не мог забыть, как однажды наткнулся на обсуждение мамочками содержимого памперсов своих бебиков. Но страничку Валентины пусть по диагонали, но все-таки просмотрел в надежде наткнуться на комментарии Алисы. Напрасный труд.

Федор вернулся на Алисину страничку, скопировал последнюю фотографию, отрезал подружек, а изображение Алисы загрузил в программу поиска. Если хоть одно ее изображение есть в интернете, программа обязательно его

отыщет. Ну не может человек в наше время не наследить в интернете. Даже если на фото она будет в профиль.

Чтобы скоротать время, пока компьютер шерстил интернет-странички, Федор попытался немного поработать, но поймал себя на том, что никак не может сосредоточиться. К тому же голова продолжала болеть, словно это не Алису, а его огрели по голове, и это у него случилось сотрясение мозга. И хотя Федор на сто процентов был уверен, что болезнь эта ни кашлем, ни чиханием, ни тем более половым путем не передается, на всякий случай решил познакомиться с симптомами.

Потеря сознания. А что? Может, он не помнит ночные события, потому что вырубился? Упал на кровать, ударился головой – и готово. Что дальше? Тошнота – да. Рвота. Пока нет, но все еще впереди. Выпадение полей зрения. Это еще что за дела? Ага, вот: обоими глазами человек может видеть лишь часть общей картины.

Покрутив головой в разные стороны, Федор убедился, что проблем со зрением у него нет. Уже легче.

Странное поведение Лебедева не ускользнуло от Рыбака, который маялся от безделья в ожидании возвращения Аси с Кристиной.

На самом деле ему было чем заняться. Один из крупных клиентов, директор фирмы с загадочным названием «Дотти», заключивший с «Кайросом» договор на абонентское обслуживание, попросил помощи в выведении на чистую воду конкурента. Тот устроил самую настоящую демпинговую баталию и мало-помалу «откусывал» у «Дотти» покупателей. «Дотти» была из тех клиентов, которых Иван уважительно называл кормильцами: услугами «Кайроса» пользовались нечасто, но кругленькую сумму перечисляли ежемесячно в сроки, предусмотренные договором. Поэтому сейчас вся команда «Кайроса» искала источники, позволяющие конкуренту «Дотти» держать запредельно низкие цены.

Хотя не вся: Лебедев, похоже, забил на работу. Сидит, головой крутит. На вид – конченный придурок, а копни поглубже...

Тут вернулись Ася с Кристиной, и Иван вмиг позабыл о странном поведении Федора.

К концу рабочего дня программа поиска выдала уже знакомые Федору кадры театральных постановок и фотографию трех подружек. Больше ничего. Словно сразу после того, как был сделан этот снимок, Алиса каким-то таинственным способом перенеслась в другое измерение, чтобы вынырнуть из него на пороге Федоровой квартиры.

В существовании другого измерения Федор до последнего времени сомневался, но сейчас готов был поверить в него. А как иначе объяснить факт, что красивая девушка за пять лет не оставила ни одной фотографии? И к тому же платье! Сейчас Федор был уверен – вчера на Алисе было именно это платье. Нет, разумеется, у Федора тоже имелась любимая толстовка с логотипом несуществующего американского университета, которую он носил еще со школы. Но так то – он! У девушек все совсем иначе устроено.

Оставаться на работе было бесполезно – любая мысль так или иначе вращалась вокруг Алисы.

– Я пойду? – спросил Федор у Кристины.

Она даже на часы не посмотрела, лишь кивнула:

– Конечно, иди.

Глава 6

У подъезда снова околачивалась соседка с собачкой.

– Вами, молодой человек, полиция интересовалась, – язвительно заметила она, поджав губы.

– Почему? – абсолютно невпопад спросил Федор.

– Да я откуда знаю, – и, развернувшись, она важно зашагала прочь.

Следом, помахивая калачиком пышного хвоста, затрусил четвероногий шибздик.

Войдя в подъезд, Федор не припустил, по обыкновению, вверх по лестнице, а принялся внимательно осматривать ее в поисках улик, оставленных человеком, напавшим на Алису.

Однако либо преступник предусмотрительно уничтожил все следы, либо это сделал кто-то другой. Например, уборщица или рабочие, которые делали ремонт на третьем этаже.

Когда-то две квартиры на нем были объединены в одну. Но жизнь в этой большой квартире у хозяев по какой-то причине не задалась, и они продали ее. Новый хозяин начал с грандиозного ремонта и перепланировки. А потом то ли окончательный вид жилища его не устроил, то ли по причине финансовых трудностей, но квартира получила нового собственника. И тот начал все сначала – то есть с капитального ремонта.

С тех пор так и повелось. Восемь месяцев в году в квартире шел ремонт, потом строительные действия ненадолго прекращались, чтобы через несколько месяцев начаться снова. Причем по непонятной причине заменялась даже абсолютно новая, с наклейками производителя, сантехника.

Последний ремонт затянулся. Поначалу строители наведением чистоты в подъезде не заморачивались. На площадках между этажами громоздилась баррикада из мешков с демонтированной плиткой, снятые с петель двери подпирали окна, перекрыв доступ свету, а стены и перила поседели от толстого слоя покрывшей их пыли.

Несколько раз Федор становился свидетелем разборок двух соседок с первого этажа и энергичной матери двоих детей, живущей в квартире напротив, со строителями. Но те делали вид, что не понимают русского языка.

Каким способом соседям удалось преодолеть трудности перевода, Федор не знал, но однажды, возвращаясь с работы, обнаружил, что в подъезде снова светло, а к стенам вернулся их давно забытый зеленый цвет.

Не обнаружив абсолютно никаких следов ночного происшествия, даже капель крови у своей двери, которые непременно должны были остаться, Федор вошел в квартиру и невольно поморщился: в воздухе явно ощущался запах табачного дыма.

Сам он никогда не курил, из друзей-знакомых никотином баловался только Рыбак, да и то очень редко.

– Алиса! – позвал Федор с порога.

В квартире стояла тишина, и Федор вдруг испугался, что девушка ушла в другое измерение и что больше он никогда не увидит ее.

В животе сделалось пусто и холодно.

Не разуваясь, Федор бросился в спальню и с облегчением выдохнул: Алиса крепко спала, закутавшись в плед. Крупная бело-коричневая клетка подчеркивала болезненную бледность девушки, красоту и утонченность ее лица.

Не желая нарушить покой гостьи, Федор выскользнул из спальни. Осторожно прикрыл дверь, плюхнулся на диван, привычно потянулся за ноутбуком, и тут внимание его приковало ярко-алое пятно над каминной полкой. Что это? Цветок? Не веря своим глазам, Федор подошел ближе.

Кем-то много лет назад установленный порядок на каминной полке был нарушен. Баночки, скляночки и прочие безделушки бесцеремонно отодвинуты в сторону. В центре освободившегося пространства возвышалась здоровенная малахитовая ваза с золочеными ручками – будь у Федора свой дом, он ни за что не стал бы держать такую, – а из нее торчал длинный, с метр длиной, мощный стебель с растопыренными во все стороны листьями, заканчивающийся здоровенным розовым бутоном.

От такого бесцеремонного вмешательства в бабушкину коллекцию у Федора даже дух перехватило. Он никогда не позволял себе даже менять местами прикамбасы с каминной полки. А тут такое...

Похоже, бабушке перестановка тоже пришлась не по вкусу. Взгляд ее обычно таких живых глаз застыл. Словно не глаза это вовсе, а две оловянные пуговицы. Еще утром она была здесь, а сейчас ушла, и, похоже, насовсем.

– Привет, – раздался за его спиной тихий голос.

Федор вздрогнул от неожиданности, обернулся. Алиса, кутаясь в плед, стояла на пороге спальни и смотрела на него выжидательным взглядом. На ней снова были шорты и футболка, что подтверждало мысль Федора о любви девушек к постоянной смене нарядов. Молчание затягивалось, и она, желая прекратить его, спросила:

– Правда, красиво?

И что тут сказать? Не правда? Не красиво? Какого черта? Что произошло между нами этой ночью? Откуда ты свалилась на мою голову? Кто напал на тебя?

Из дюжины вопросов Федор выбрал самый нейтральный:

– Есть хочешь?

На этот раз он не стал выпендриваться с богемскими бокалами. Прошел в кухню, чувствуя, что она идет следом, залез в морозилку, вынул две коробки с замороженной едой.

– Пицца или паста?

Она неопределенно пожала плечами, и Федор забросил в микроволновку обе упаковки.

– Откуда цветы? – Вопрос вырвался сам собой.

– Это участковый принес, – сказала она, уставившись ему прямо в глаза, словно самый что ни на есть настоящий гипнотизер.

– Участковый? – удивился Федор.

– Ну да, – как само собой разумеющееся подтвердила она. – Участковый. Наверное, из больницы сообщили, вот он и пришел.

Хотя про участкового, который приходил по его душу, Федор слышал от соседки, он не мог себе представить полицейского, который ходит к потерпевшим с цветами. Он бы еще поверил, будь цветочки сорваны с клумбы, но роза, стопудово, куплена в магазине, причем за достаточно большие деньги.

Федор попытался представить эту картину. В его мыслях полицейский почему-то был похож на Рыбака, этакий качок с огромными бицепсами и свирепым взглядом.

Следом всплыл в памяти идиотский анекдот Щедрого про красные трусы, найденные под подушкой, и руки непроизвольно сжались в кулаки. Нет, он не даст двум этим идиотам испортить сегодняшний вечер.

Пока еда размораживалась, Федор прошел в ванную, умылся, намылил руки. Вспомнил, как здорово пахло утром от Алисы, и поднес руки к лицу. От них разило самым что ни на есть обыкновенным, дешманским мылом. Никакой загадочности, никакой фантастики.

Возвращаясь в кухню, он вспомнил, что обещал Алисе сходить с ней в магазин и купить что-нибудь из одежды.

«Сейчас поедим и пойдем», – решил он, садясь за стол.

Однако, съев пару ложек пасты, Алиса вдруг переменялась в лице и, зажав рукой рот, бросилась в туалет. Судя по доносившимся оттуда звукам, ее рвало.

Первой мыслью Федора было броситься девушке на помощь, но потом, здраво рассудив, что его присутствие в крошечной уборной только смутит ее, он остался на месте. На всякий случай проверил срок годности ужина. Вроде все нормально. А потом вспомнил симптомы сотрясения мозга: тошнота, рвота. Похоже, поход в магазин придется отложить до лучших времен.

Алиса вернулась, опираясь рукой о стенку. Лицо ее пожелтело и осунулось, по цвету сделавшись похожим на арахисовую скорлупу.

– Плохо? – спросил ее Федор, чувствуя себя при этом полным идиотом.

– Плохо, – прошелестела она.

– Ничего, это скоро пройдет. Вот увидишь. Главное – покой. Ляжешь?

Что-то странное было в Алисином взгляде. Она кивнула и медленно побрела в комнату.

Федор помог ей устроиться поудобнее в постели, предложил воды, еды.

Алиса от всего отказалась. Легла и закрыла глаза. Пришлось Федору удалиться, унося с собой все так и не заданные вопросы. Он лег на диван и долго смотрел на бабушкин портрет. Как же ему хотелось сейчас хоть с кем-нибудь поговорить. Хотя бы с ней.

Никогда не страдавший от одиночества, Федор впервые ощутил на себе его холод. словно нырнул в море и в глубине наткнулся на косяк мокрых и скользких рыб.

Федору не спалось. Боялся, что Алисе станет хуже, а он будет дрыхнуть вместо того, чтобы прийти на помощь. А еще боялся снова проснуться в ее постели. Хотя одна его часть страстно желала этого, но другая, гораздо меньшая, та, где обитало чувство ответственности, была категорически против. Две эти части сошлись в нем в рукопашную, доставляя почти физическую боль.

Федор встал, подошел к окну и прижался лицом к стеклу. Прохлада принесла успокоение, но только на один миг, потому что следом он разглядел человека, стоявшего внизу, под окном. Тот понял, что его заметили, и скрылся в тени тополя.

Однако Федор чувствовал, что незнакомец не ушел, а продолжает следить за ним из своего укрытия. Что делать? Позвонить в полицию? И что? Сказать, что под окном кто-то стоит? Выставить себя конченым параноиком?

Мысли скакали в черепной коробке, словно крупные градины по подоконнику.

С трудом отлепившись от окна, Федор прошел в кухню, вытащил из холодильника недопитую колу. Несколько глотков помогли: мысли слегка успокоились, улеглись.

Убедившись, что входная дверь надежно закрыта, Федор вытянулся на диване, укрывшись одеялом до подбородка.

«Надо завтра все выяснить у Алисы», – решил он и с этой мыслью заснул.

Проснувшись, Федор обнаружил Алису сидящей в кухне со стаканом слабозаваренного чая.

– Привет, как ты? – спросил он.

Алиса лишь слегка пожала плечами, мол, сам видишь. Выглядела она неважнецки. Темные круги под глазами и вертикальная морщинка между бровями добавляли ей лишний десяток лет.

– Тебе надо к врачу. Зря ты отказалась от госпитализации.

– Нет, не надо. – Она покачала головой и попыталась изобразить улыбку. – И потом, не в этом же мне идти.

На ней по-прежнему были футболка и шорты.

«Наверное, постирала платье и ждет, когда оно высохнет», – решил Федор.

– Хочешь, можно прямо сейчас сходить в магазин, купить что-нибудь из одежды, а оттуда отправиться в больницу.

Она снова покачала головой, глотнула чая.

– Не хочешь выходить из дома? Ты кого-то боишься? Не хочешь рассказать, что с тобой случилось?

Федор присел на корточки перед Алисой и посмотрел в ее глаза. Она отвела взгляд, и лишь побелевшие костяшки пальцев, в которых девушка сжимала стакан с чаем, выдавали ее волнение.

– Кто-то угрожает тебе? Скажи, пожалуйста, не молчи. Я же не смогу помочь тебе, если не буду знать правду, – взмолился Федор. – Как ты оказалась в нашем подъезде? Ты знаешь, кто на тебя напал?

– Да нет же! – Глаза Алисы вспыхнули яростью, но она тут же взяла себя в руки, решительно поставила стакан на стол и даже попыталась улыбнуться. – Это просто хулиганы какие-то. Я ехала к подруге и, получается, не доехала. Очнулась в больнице. Что со мной было – ума не приложу. Куда делась моя одежда – аналогично. Кстати, не обязательно идти в магазин – можно позвонить и заказать доставку всего необходимого. В том числе и еды человеческой.

Это выражение, «еды человеческой», неприятно царапнуло Федора. Если содержимое его холодильника не является человеческой едой, то чем тогда? Конечно, по полезности ей далеко до брокколи и прочих суперфудов, но по вкусу-то гораздо лучше!

На работе Федору не сиделось.

Поначалу он еще мог сосредоточиться на текущих делах, но потом увидел, как Ася с кем-то разговаривает по телефону, и весь энтузиазм исчез, как будто его и не было. Асины глаза светились таким счастьем, что сомневаться не приходилось – разговаривала она с Рыбаком.

О чем, спрашивается, можно так долго беседовать, если Рыбак буквально час тому назад покинул офис? Говорила Ася очень тихо – слов не разобрать, но интонация была такой душевной, что Федор просто обзавидовался. С ним никогда никто таким тоном не разговаривал. Он вообще был не любитель долгих телефонных разговоров. И не только телефонных – вообще никаких. Гораздо приятней общаться с помощью различных месседжей. Натолкать стикеров и смайликов, а когда тема для разговоров иссякает, просто свалить, не попрощавшись. И никто не упрекнет в невежливости: интернет – дело тонкое. В любой момент может исчезнуть.

Ведь что интересно – разговаривающую по телефону Асю он видит не впервые. А тоска по вот такому простому общению возникла впервые. Может, потому, что ему в данный момент есть с кем разговаривать? Почему бы не купить Алисе телефон и не попробовать, каково это – разговаривать со своей девушкой. И хотя Федор вполне отдавал себе отчет, что Алиса может не считать его своим парнем, но тут же в памяти всплывали ее глаза в то памятное утро. Нет, определенную симпатию она к нему испытывает. Остается углубить и расширить это чувство. Поэтому, сбежав с работы, Федор отправился в магазин за мобильным телефоном.

Алиса подарку обрадовалась.

– Мне надо маме позвонить, – сказала она и, схватив телефон, убежала в ванную.

Конечно, немного странно, что она решила позвонить маме только сейчас, – могла бы раньше попросить телефон у Федора, он бы не отказал.

Разговаривала Алиса долго. Федор пару раз прошелся в кухню и обратно, вслушиваясь в звуки за дверью, но кроме шума текущей воды ничего не услышал. Наверное, мама, или кому там еще Алиса звонила, была недовольна, потому что после разговора у Алисы резко испортилось настроение.

Отказавшись поужинать с Федором, она пошла спать.

Федору было не привыкать к одиноким трапезам.

Натянув любимую толстовку, он выудил из морозилки первую попавшуюся упаковку, закинул ее в микроволновку и в ожидании сигнала о готовности ужина полез в интернет. Наткнулся на отзывы о новой версии RedDeadRedemption[9 - Компьютерная игра, приключенческий боевик-вестерн.].

Вспомнилось, как лет шесть тому назад он зависал в ней, путешествуя с Джоном Морстоном из Дикого Американского Запада к цивилизованным городам Севера. Интересно, как сейчас, уже с точки зрения умудренного опытом человека, а не студента, будут восприниматься приключения бывшего головореза, вынужденного работать на государственных агентов, чтобы защитить свою семью?

Позабыв об ужине, Федор разыскал наушники, чтобы не мешать Алисе, и запустил первую главу. Как и шесть лет тому назад, Джон Марстон скакал к заброшенному форту Мерсер, где окопался его «старый друг» Билл Вильямсон, и, как и шесть лет назад, Федор ощущал обжигающий лицо горячий ветер прерий. И когда Джон Марстон, сраженный пулей, упал на каменистую землю, Федору показалось, что это его, тяжело раненного, караулит стервятник. И хотя он знал, что Джона не убили, легче от этого не стало. В душе вдруг зародилось предчувствие чего-то страшного, что вот-вот произойдет, если уже не произошло.

«Это всего лишь игра», – постарался убедить себя Федор, но легче ему не стало.

Захлопнув крышку ноутбука, Федор стянул наушники и вдруг понял причину своей тревоги: из-за двери доносились странные звуки. Кто-то отчаянно скребся и стонал. Почти как в тот день, когда он обнаружил Алису. Дежавю? Хотя нет. Звуки были более интенсивные.

Федор на цыпочках подошел к двери. Звуки усилились. Теперь он четко слышал, как чьи-то ногти скребут нижнюю филенку двери.

– Кто здесь? – свистящим шепотом спросил Федор.

Ответа не последовало.

Федор прокрался на кухню, взял с подставки нож с длинным узким лезвием. Холод металла рукоятки обжег ладонь, словно кусок льда.

Звуки за дверью стали громче. Казалось, кто-то плачет и зовет на помощь.

Была не была. Зажав в одной руке нож, а в другой телефон, чтобы при необходимости позвонить в полицию, Федор накинуд цепочку, которой никогда до этого не пользовался, и повернул ручку защелки замка.

Сначала он никого не увидел, а потом что-то мягкое ткнулось в его ноги.

Федор взглянул вниз и увидел пса соседки с первого этажа. И без того огромные глаза собаки почти вылезли из орбит. Они, казалось, умоляли о помощи.

«Тот мужик, что вчера ходил под окнами, напал на соседку», – понял Федор.

По идее, нужно было захлопнуть дверь и вызвать полицию, но было что-то такое в жалобном поскуливании пса, что заставило Федора, позабыв о здравом смысле, сбросить цепочку и, прикрыв дверь, с ножом в одной руке и телефоном в другой ринуться вниз.

Сквозь приоткрытую дверь в квартиру этажом ниже на лестницу падал сноп света. Соседка лежала на полу, рядом валялся телефон. Наверное, хотела вызвать полицию, а преступник ударил ее.

Федор понимал, что злоумышленник еще может находиться где-то поблизости и что на месте преступления ничего нельзя трогать, но он должен был убедиться, что бабуле действительно уже ничем нельзя помочь. А тут еще пес – подбежал и стал тыкаться в лицо хозяйки своим тупым носом.

– Брысь! – шикнул на него Федор.

Но пес и не подумал уйти. Лишь зыркнул выпученными глазищами. И Федор сдался. Положил на пол нож, на цыпочках подкрался к бабуле и приложил пальцы к морщинистой шее. Шея оказалась неожиданно мягкой и теплой. Сначала Федор ничего не почувствовал – мешало повизгивание пса.

– А ну, тихо! – приструнил его Федор.

Тот понял, застыл и, казалось, прекратил дышать. И тогда Федор уловил чуть слышное движение под пальцами. Жива!

Мгновенно выпрямившись, он набрал номер.

– «Скорая»? Тут женщина без сознания! Запишите адрес.

В ожидании «Скорой» Федор осмотрел квартиру.

Почти такая же, как у него, такой же высокий потолок, такая же люстра на непомерно длинной цепи. Только без камина – на его месте стоит древнего вида приземистый шкаф, в котором выставлена разная посуда. В том числе и бокалы

из богемского стекла – вероятно, родственники бокалов Мишкиной бабушки. Все сияющее, искрящееся – явно предмет особой гордости хозяйки.

И как в таком возрасте она ухитряется наводить чистоту? Наверное, есть родственники. Надо им позвонить, пусть приезжают и помогают бабуле.

Федор взял соседский телефон, полистал телефонную книгу. Алексеев, Букин, Варский... Не похоже на родственников... Вера Павловна... Тоже вряд ли, скорее, подруга какая-нибудь или докторша. Женечка... Это больше похоже на родственника. Или родственницу? Сейчас выясним, и Федор решительно нажал на кнопку вызова.

– Да, – после восьмого звонка, когда он уже собирался повесить трубку, ответил заспанный голос.

Судя по голосу, Женечка была девушкой, к тому же молодой.

– Вы, случайно, не родственница женщины, которая проживает с собакой на Ломоносовской, дом пять, квартира три? То есть три – это моя, а она живет в квартире один!

– Это моя бабушка, – испуганно пробормотала девушка. – Что с ней? Как она?

– Я не доктор, «Скорую» вызвал, ждем. Приехать сможете?

– Да, конечно. – Тут она отключилась, а Федор вспомнил, как в больнице, куда он привез Алису, ему пеняли на отсутствие каких-либо документов, снова нажал на кнопку.

– Я извиняюсь, а где ее документы? Вдруг потребуются?

– В витрине, – тяжело дыша, бросила Женечка. – Внизу слева ящичек, видите?

Ни витрины, ни тем более ящичка Федор не видел. Еще раз обвел глазами комнату. Телевизор, диван, два кресла, шкаф с посудой. Может, шкаф – это и есть витрина? На всякий случай уточнил:

– В шкафу, что ли?

– Ну да. – Собеседница явно досадовала на его бестолковость.

Федор тут же представил ее: бестолковая блондинка в туфлях на высоких каблуках. И тут же вспомнилась Алиса в скромном голубом платье. Интересно, куда оно делось, платье это?

Не теряя зря времени, Федор выдвинул сразу оба нижних ящика – вдруг у них с блондинкой разные понятия о том, где лево, а где право. Оказалось, понятия одинаковые. В правом ящичке лежала папка, прозрачный пластик которой позволял разглядеть желтую кожаную обложку с надписью «Паспорт» и какие-то бумаги.

Пока Федор изучал содержимое папки, пес внимательно стоял рядом и наблюдал, чтобы он ненароком не присвоил что-нибудь из хозяйского добра.

– Не переживай, – оценил бдительность лохматого стража Федор. Хотел сказать еще что-нибудь, но был остановлен воем звонка домофона.

Пес молча бросился к двери, а Федор на всякий случай выглянул в окно – у подъезда стояла машина «Скорой помощи».

Бросив папку с документами на стол, Федор поспешил открыть дверь.

– Что у вас стряслось? – спросил врач, очень высокий и очень худой мужчина лет пятидесяти, входя в квартиру в сопровождении низенькой полной женщины. Смотрелись они довольно потешно, только Федору было не до смеха.

– Да вот. – Федор отступил на шаг, пропуская медработников в квартиру.

Мужчина присел на корточки рядом с бабулей, длинными пальцами обхватил ее запястье, потом что-то внимательно слушал с помощью стетоскопа и хмурился.

Бросил женщине:

– Кардиограф.

Она раскрыла чемоданчик, и тут взгляд ее упал на нож, по-прежнему валявшийся на полу. Женщина напряглась, вопросительно посмотрела на Федора. В ее взгляде не было испуга, только бесконечная усталость.

– Это мой нож, – счел нужным пояснить Федор. – Я сидел дома, слышу – кто-то скребется. А перед этим на девушку мою напали. А тут еще Джона Марстона подстрелили. Я и взял нож – вдруг это те самые, которые напали на Алису.

– Тихо! – скомандовал мужчина. – Тут похоже на инфаркт. Носилки.

Женщина выскользнула за дверь и вернулась через минуту с молодым парнем независимого вида с носилками под мышкой. Парень разложил носилки на полу.

– Поможешь? – Доктор посмотрел на Федора.

Они с парнем взяли бабулю за плечи, Федор – за ноги.

– На счет три! – скомандовал доктор. – Раз-два-три!

Старушка оказалась неожиданно легкой.

– Вот документы ее, – сказал Федор.

– А ты разве не поедешь? – Доктор удивленно посмотрел на него.

– Я? – переспросил Федор и, не дожидаясь ответа, кивнул: – Ну да, если надо, то поеду.

Он взял папку с документами и, уже у двери, заметил пса, о котором за суматохой последних минут успел позабыть. Тот застыл в скорбной позе, выпученные глаза поблескивали в свете люстры, и казалось, что он плачет.

– Все будет хорошо, – сказал Федор. – Она обязательно поправится!

Пес не шелохнулся. На крючочке у входной двери Федор обнаружил связку ключей, закрыл дверь и побежал догонять носилки.

Глава 7

– Вовремя привезли, – сказала Федору медсестра кардиологического отделения, куда их с бабулей-соседкой доставила «Скорая помощь». – У нас отличные врачи, выкарабкается твоя бабушка.

Объяснять, что это вовсе не его бабушка, Федор не стал.

Помогая медсестре заполнять карточку соседки, он выяснил, что зовут ее Дарья Тимофеевна, и показалось это имя до такой степени знакомым и близким, что он уже и сам поверил, что это его бабушка, а не злобная бабка, презрительно зыркавшая на него каждый раз, когда они сталкивались у подъезда. Тем более что обе бабушки Федора умерли очень давно, когда он еще учился в школе, и он, как ни старался, не мог вспомнить, как они выглядели. Маму с папой помнил – виделись в последний раз четыре года тому назад, а до этого после первого курса университета, когда Федор приезжал в родной город на свадьбу школьного друга.

Когда уезжал, отец попросил:

– Ты это, Федь, звони.

А мать сунула ему завернутый в пергаментную бумагу здоровенный маковый рулет, который в их семье назывался странным словом «вертута». Готовила их еще Федорова бабушка, и получались они до того вкусными, что Федор мог запросто съесть целую такую вертуту за один присест. Что он и сделал, как только поезд отъехал от родного перрона и проводница, проверив билеты вошедших пассажиров, принесла чай в серебристом подстаканнике.

Там же, в вагоне, под мерный стук колес, когда от материнского подарка остались лишь сладкие воспоминания, он загуглил слово вертута, и оказалось, что это блюдо молдавской кухни. В бабушкину бытность интернета не было, рецепты передавались от поколения к поколению. Значит ли это, что у Федора есть молдавские корни?

В папке с документами, среди бумаг, он обнаружил плотный конверт с изображенным на нем букетом тюльпанов, перевитых ленточкой с надписью «С любовью». Заглянул в него и обнаружил пачку пятидесяти тысяч купюр – сто тысяч. Ему вдруг сделалось неловко, словно он украл эти деньги.

Пообещав себе сегодня же положить деньги на место, он сунул их в карман толстовки. Медсестра, закончив заполнять бумаги, сложила папки и куда-то ушла с ними, а Федор немного побродил по коридору, потом уселся на стул и стал ждать ее возвращения.

Тем временем больница потихоньку просыпалась, в коридоре появилась санитарка с ведром и шваброй.

– Ты чего тут сидишь? – строго спросила она.

– Жду, – сказал Федор. – Я бабушку привез с инфарктом.

– И что?

– Сказали вовремя. Она сейчас в реанимации.

– Так ты иди. В реанимацию все равно не пустят. Сейчас пока врачи, пока анализы – не до тебя будет. Приходи часам к двум, тогда уже будет известно. Телефон же твой записали?

Федор вспомнил, что действительно сообщил медсестре свой номер телефона, и кивнул.

– Ну вот. Нужно будет, позвонят, а пока иди, нечего тут отсвечивать.

И Федор пошел. Денег с собой у него не было – выйдя из квартиры, кроме телефона и ножа, он ничего не взял, а деньги Дарьи Тимофеевны в качестве платежного средства даже не собирался рассматривать, поэтому пришлось идти пешком. А так как офис «Кайроса» к больнице находился ближе, чем его дом, Федор решил зайти сначала на работу, а потом отпроситься, занять денег на такси и отправиться домой спать.

Мелькнула было мысль позвонить Алисе – вдруг она проснулась и, не обнаружив его дома, чего доброго, волнуется, переживает. Федор даже потянулся за телефоном, но потом решил, что Алиса наверняка еще не проснулась. Для ее сотрясенных мозгов сон – лучшее лекарство, поэтому лучше позвонить через час-полтора.

Зайдя в офис, Федор, несмотря на довольно ранний час, обнаружил там ту же самую компанию, что и в день после появления в его жизни Алисы.

Кристина все так же сидела за своим рабочим столом, напротив устроился майор Щедрый, а Тимур, тонко улыбаясь, готовил на всю компанию кофе.

– Ты вовремя, – сказал он, отвечая на приветственное рукопожатие Федора. – Мы как раз собрались продегустировать новый сорт кофе. Майор где-то раздобыл.

– Я всегда вовремя, – сказал Федор, плюхаясь в свое кресло и одновременно врубая компьютер.

«Неужели у Щедрого нет никаких дел, кроме как околачиваться у нас в офисе? – подумал Федор, автоматически запуская необходимые для работы программы. – Создается впечатление, что у нас уже наступила «Эра милосердия», о которой мечтали Глеб Жеглов и Володя Шарапов в знаменитом фильме. Где еще Высоцкий говорит: «А теперь Горбатый! Я сказал – Горбатый». Отец очень любил этот фильм. А в особенности – эту серию».

Тут Федор поймал себя на мысли, что за последние дни вспоминает о предках больше, чем за весь этот год. К чему бы это?

– Что-то ты сегодня какой-то не такой, – заметила Кристина. – Все в порядке?

– Наверное, опять девушек спасал, – хохотнул Щедрый.

– Нет, бабушек, – возразил Федор.

И тут он вдруг вспомнил глаза пса, какими увидел их в последний момент, уходя из квартиры Дарьи Тимофеевны.

– Знаете, – медленно произнес он, – со мной сегодня ночью произошел странный случай.

И он рассказал, как пес, маленький коротконогий уродец с приплюснутой мордой, бился в его дверь до тех пор, пока он не вышел из квартиры и не спустился к соседке.

– А что ты думал, – сказал майор, – животные гораздо умнее нас. Они заблаговременно чувствуют катастрофы, стихийные бедствия.

– А кошки умеют лечить, – подтвердила Кристина. – Снижают давление, помогают от остеохондроза и депрессии.

– Да ладно, – возразил Федор. – Если бы все обстояло так хорошо, то врачи сидели бы без работы. Заболел – подобрал на улице кошку, приложил к больному месту – и готово.

– Зря ты, Федор, не веришь. – Тимур поставил перед Лебедевым чашку кофе, и тот привычным движением полез в стол за едой – печеньем или чипсами, запасы которых никогда не переводились.

– Угощайтесь. – Федор встал и выложил перед Кристиной пачку орехового печенья.

– Кстати, – майор откусил половину печенья и одобрительно кивнул, – съедобное.

– Иного не держим, – усмехнулся Федор, возвращаясь за свой стол.

Странно, но сегодня майор не раздражал его, как всего пару дней назад. Интересно, почему?

– А слышал ты про кота Брежнева? – продолжал тем временем Щедрый.

– Про Брежнева – да, а про кота... Напомните?

Если честно, то и про Брежнева Федор не особо помнил. Разве что рассказ матери о том, как в школе, где она работала, в день похорон Брежнева учеников распустили, а учителя смотрели по телевизору прямую трансляцию, и директриса плакала самыми что ни на есть настоящими слезами. Ну вот – он снова вспомнил о родителях!

– Напомню. – Майор обрадовался непривычной снисходительности Федора. – Кота этого Леонид Ильич привез из рабочей поездки в Индию. Абсолютно черный, с огромными желтыми глазищами, кот больше походил на пантеру. Зверюгу подарил Брежневу Далай-лама, сообщив, что животное наделено даром предвидения и сможет уберечь его от смертельной опасности. Но если кот погибнет, то и хозяину недолго останется жить на белом свете. Брежнев, хоть и был материалистом, Далай-ламе поверил и с котом не разлучался. Кормил его собственноручно телятиной с кровью.

Вскоре генсеку представилась возможность убедиться в магических способностях кота. Он собирался в аэропорт встречать космонавтов, после чего в Кремле должен был состояться торжественный прием, и тут кот словно сбесился. Начал хватать Брежнева за штанину, орал хриплым басом.

Конечно, Леонид Ильич поездку не отменил, но по дороге из Внукова в Кремль предложил водителю пропустить машину с космонавтами вперед. Когда кортеж правительственных «Чаяк» въехал в Кремль через Боровицкие ворота, к машине бросился человек в милицейской форме и открыл огонь по машине. Водитель погиб на месте, космонавты были ранены. К счастью, легко. Так кот впервые продемонстрировал свои способности.

– А почему бы Брежневу не поверить коту без этой демонстрации и поменять планы? – возмутился Федор. – Почему обязательно должен был умереть ни в чем не повинный водитель?

– Ну, это ты у него спроси, – развел руками Щедрый. – Хотя впоследствии Брежнев отменил встречу с президентом Франции Жоржем Помпиду именно из-за поведения кота. Тот так орал и хватал его за ноги, что чуть не порвал хозяйские штаны.

– Ага, хозяйские, – усмехнулась Кристина. – Думаю, кот Брежнева не согласился бы с таким определением. Наверняка хозяином в доме он считал себя.

– А я бы поехал во Францию, – сказал Федор. – Просто всем котам назло взял да и поехал.

– Дело в том, что было еще одно происшествие... Примерно через год после первого. Все начиналось по тому же сценарию – кот снова хватал Брежнева за ноги, истошно мяукал. И тот решил остаться дома. В этот день его машина столкнулась с военным грузовиком, вылетевшим с боковой дороги. Охранник, ехавший на месте Брежнева, погиб. Так что, когда кот начал беситься в третий раз, Брежнев безоговорочно доверился его чутью и отложил поездку во Францию. И, кстати, не напрасно. Через два дня в газетах всего мира появились сообщения об аресте заговорщиков, готовивших покушение на французского президента и Генерального секретаря СССР.

– И с тех пор он забил на работу и так и сидел с котом дома? – предположил Федор.

– Нет, не забил. Тем более что за следующие десять лет вещий кот не подавал никаких сигналов об опасности. А может, и подавал, и Брежнев под благовидным предлогом отказывался от сомнительных поездок. Тем более здоровье у него с каждым годом становилось все хуже и хуже. А есть еще такое печенье? – Щедрый вытряс крошки из пустой упаковки на ладонь и ссыпал их в рот.

– Насчет такого же точно не ручаюсь. – Федор нырнул в стол. – Есть маковое.

– Сгодится. – И майор принялся медленно распечатывать угощение.

– Так чем закончилась история с котом? – не выдержала Кристина.

– А вы, Кристиночка, тоже не слышали этой истории? – удивился Щедрый. – Кот, конечно же, умер.

– А Брежнев? – спросил Федор. – Лама же сказал, что как только кот умрет, то и Брежнев долго не протянет.

– Так оно и произошло. За десять лет спокойствия Брежнев расслабился. Весной тысяча девятьсот восемьдесят второго года он отправился в Ташкент. Кота по

привычке взял с собой. В сопровождении тогдашнего секретаря ЦК Компартии Узбекистана Рашидова и охраны Леонид Ильич посетил несколько объектов. Последним в программе числился авиационный завод. Когда правительственный кортеж подъезжал к заводу, Брежневу сообщили, что с котом происходит что-то странное. Он покусал всю обслугу и громко вопит. Брежнев нахмурил свои знаменитые брови, но от посещения завода не отказался.

Когда Брежнев с Рашидовым в сопровождении охраны вошли в сборочный цех и подошли к почти готовому самолету, раздался оглушительный треск – рабочие и журналисты, чтобы получше разглядеть высокопоставленных гостей, взобрались на окружающие самолет леса, они не выдержали, и огромная площадка обрушилась на голову Брежнева и Рашидова. Мало того, сверху посыпались еще и люди.

– Но, насколько я помню, Брежнев умер осенью, на День милиции, – сказала Кристина.

– Так оно и было, – подтвердил майор, – слегка подпортил коллегам праздник. Вместо традиционного концерта из Колонного зала Дома союзов пустили «Депутата Балтики» – фильм такой. А на следующий день все как положено – «Лебединое озеро» по всем телевизионным программам, траур, скорбные лица дикторов. Да...

Майор откусил кусок печенья, с сомнением уставился на густо испещренное маковыми точками тесто.

– Больше такое не бери. Ерунда какая-то на постном масле. А тогда, на авиационном заводе, Брежнев отделался лишь сломанной ключицей. После того как ему была оказана первая помощь, Леонид Ильич рванул в резиденцию. К коту. Только кота уже не было. В ту самую минуту, когда на голову генсека обрушились леса, кот перегрыз металлический поводок, искусал пытавшихся его остановить охранников, выскочил на улицу и бросился под колеса проезжавшей мимо машины. Он принял на себя смерть Брежнева.

– Да ладно! – возмутился Федор и вопросительно посмотрел на привычно непроницаемое лицо Тимура, которого считал главным экспертом во всех спорных вопросах. – Михалыч, правда, что ли?

– Я читал что-то подобное, – пожал плечами Тимур. – Не буду утверждать, что это правда, но в то, что некоторые животные обладают высшим разумом и телепатическими свойствами, я верю.

Федор согласно покивал – ему вспомнился взгляд соседской собаки, наполненный такой мудростью, что некоторым присутствующим здесь поедателям печенья с маком даже не снилась.

– Я вот еще слышал, – начал было Щедрый, но тут подал голос его телефон. Майор нажал на кнопку вызова и деловым тоном ответил: – Щедрый на проводе.

Несколько секунд он внимательно слушал собеседника, а потом вдруг вскочил и заорал:

– Твою мать! – А потом скороговоркой добавил с чувством: – Твою-ж-в-душу-мать! Сейчас буду.

И понесся к выходу.

– Что случилось? – попыталась остановить его Кристина. Но куда там!

Выбегая из офиса, майор чуть не сбил с ног входящую Асю. Хорошо еще, что распахнувший перед ней дверь Рыбак мгновенно сориентировался и дернул девушку за куртку. Ася невольно попятилась назад, и это спасло ее от неминуемого столкновения с торнадо по имени Андрей Геннадьевич Щедрый.

– Пожар, что ли?

– Все может быть, – сказала Кристина. – Вы, как всегда, самое интересное пропустили.

Рыбак направился к кофемашине, Ася же села на стул, с которого минуту тому назад вскочил Щедрый.

– Что у нас новенького? – спросила она, обводя сияющими глазами Кристину, Федора и Тимура.

Предоставив Кристине возможность поговорить с подругой, Федор попытался заняться работой, но часть его внимания была прикована к их беседе. Краем уха он услышал, как Кристина рассказывает о том, как пес скребся в его дверь.

– А почему именно в его? – спросила Ася.

Вопрос показался Федору логичным. Странно, что он не подумал об этом сам.

Ведь наверняка коротконогому псу легче было обратиться за помощью в квартиру напротив, чем карабкаться по лестнице. Почему два совершенно незнакомых существа – Алиса и пес, с разницей в один день оказались именно под его дверью. Ведь в подъезде, если не брать во внимание третий этаж, имеется еще как минимум две двери, в которые можно постучаться. Почему они выбрали именно его?

При мысли об Алисе Федор вспомнил, что так и не позвонил ей. Сейчас она наверняка уже встала, может, даже надела свое голубое платье.

Федор закрыл глаза и постарался представить Алису в голубом платье, но почему-то ничего не вышло. Он видел ее пальцы, вцепившиеся в кружку с бледным чаем, морщинку между бровей, но целиком образ не вырисовывался. Просто мистика какая-то.

– Федор, ты что, заснул? – раздался над лебедевским ухом насмешливый голос Рыбака.

– Тише ты, – шикнула на него Ася. – Он всю ночь соседку спасал. Пусть отдохнет.

– Да я вовсе не сплю. – Федор открыл глаза и увидел нависшего над ним Ивана с чашкой кофе в руке. Понятно, что кофе Рыбак планировал выпить сам, но Федор решил лишить его этого удовольствия. – Спасибо за кофе.

Взяв кружку из рук онемевшего от такой наглости Рыбака, Федор сделал большой глоток.

– Федя, может, нужно съездить в больницу, узнать, как там соседка? Вдруг ей что-нибудь нужно?

Федор пожал плечами – он как-то даже и не подумал об этом.

– А потом отвезем тебя домой, – продолжала Ася. – Тебе нужно отдохнуть.

Лебедев категорически замотал головой – спать ему не хотелось. Хотя, может, и правда поехать домой и наконец купить Алисе одежду? Он уже несколько раз обещал. Пусть вызывает курьера из магазина, а Федор как раз подъедет. И он набрал номер Алисы, который занес в память своего телефона при покупке.

– Привет, это я, – сказал он, услышав ее «Алло?».

– Кто я? – сердито спросила она, и от этой сердитости у Федора сразу пропали все слова.

– Федор, – сказал он и замолчал.

– Где ты шляешься? – грозно спросила она. – Тут какая-то баба приходила тебя искать.

– Баба? – растерянно переспросил Федор.

– Ну да, сказала, что соседка. А сама даже имени твоего не знает.

Из соседок на роль «бабы» подходила Дарья Тимофеевна, но вряд ли она настолько пришла в себя, чтобы разыскивать Федора. Еще одна кандидатура – бабуля из квартиры номер два, которая находится на том же первом этаже. Неудивительно, что она не знает имени Федора, ведь он тоже не знаком с ней и видел всего пару раз. Собаки у нее нет, соответственно нет стимула выходить на улицу.

– Чего молчишь? – спросила Алиса.

– Я скоро приеду, – наконец обрел дар речи Федор. – Ты закажи там все, что хотела, я только в одно место забегу и приеду.

– В одно место, – проворчала она, – все у тебя через одно место.

Федор медленно положил телефон на стол. Вовсе не таким он представлял разговор с Алисой. Куда делись ее сияющие глаза, протянутые к нему руки? Она обиделась? Но когда Ася обижалась на Ивана, она все равно улыбалась. Потому что у них любовь... Но, может быть, любовь у всех разная? У Аси своя, а у Алисы своя. А может, он все выдумал и нет никакой любви?

– Так мы едем? – нетерпеливо спросил Рыбак.

Федор вопросительно посмотрел на Кристину.

– Конечно, – кивнула она. – Надеюсь, сегодня ночью никто не будет ломиться к тебе в дверь?

Федор тоже на это очень надеялся.

Глава 8

В больницу они пошли вдвоем с Асей. Иван остался в машине, справедливо заметив, что по реанимациям толпами ходить не принято.

Оказалось, что по ним вообще ходить не принято. Даже несмотря на предупредительно надетые бахилы и позаимствованные на вешалке в коридоре белые халаты, дальше поста дежурной медсестры они не продвинулись.

– Нам бы только узнать, как себя чувствует больная, – сказал Федор.

– Фамилия? – спросила медсестра.

– Лебедев, – ответил Федор.

– Нет у нас такой.

– Нет, вы не поняли, это моя фамилия Лебедев, а бабушки фамилию я не знаю.

– Что ж ты за внук такой, что не знаешь фамилии? – с усмешкой спросила медсестра.

– Да я не внук, это соседка моя, Дарья Тимофеевна. Ей плохо стало, а ее пес позвал меня на помощь. И вот она тут, а я пришел узнать, не нужно ли чего. У нее никого нет, кроме собаки...

– Это Вавилова, что ли? – спросила медсестра.

– Наверное, – неуверенно ответил Федор.

– Так у нее же внучка есть. Прибегала сегодня. Хорошая такая девочка. Так что, товарищ Лебедев, ступай домой.

– Как внучка? – удивился Федор. Потом вспомнил: – Женечка?

Медсестра не ответила.

– А когда можно будет навестить Дарью Тимофеевну? – спросила Ася. – Понимаете, мы очень за нее переживаем.

– Попробуйте денька через три, – сказала медсестра. – Если ее к тому времени переведут в общую палату, можно будет ее навестить. А пока – нет. Только родственникам.

И она жестом указала посетителям на выход.

На обратном пути устроившегося на заднем сиденье Федора сморил такой крепкий сон, что проснулся он только, когда Рыбак остановил «Форд» у его подъезда.

Поблагодарив коллег, Федор вошел в дом.

Пару минут потоптался у двери Дарьи Тимофеевны. В квартире, насколько он мог слышать, царила полная тишина. Федор на всякий случай осторожно побарабанил пальцами по ручке. Будь пес дома, наверняка ответил бы. Но за дверью по-прежнему было тихо.

«Наверное, пошел гулять с Женечкой», – решил Федор и живо представил картину маслом.

По тротуару идет блондинка, сияющая, как горка с хрусталем, в лаковых туфлях на высоченных каблуках. Девушки в подобной обуви почему-то напоминали ему новорожденных жеребят, с трудом удерживающих равновесие на тонких, согнутых в коленках конечностях. А впереди ковыляет пес с пушистым хвостом, грустной мордой и блестящими то ли от слез, то ли еще от чего глазами.

Поднимаясь на второй этаж, Федор немного побаивался встречи с Алисой – уж слишком недовольна она была его исчезновением и визитом неизвестной «бабы».

Но Алиса, судя по всему, оказалась девушкой отходчивой, встретила его теплым «Привет» и дружеским чмоком в щеку.

Удивилась раннему возвращению Федора с работы и, узнав, что начальство отправило его домой отсыпаться, настояла, чтобы он отправился в постель. После короткого отдыха в машине спать совсем не хотелось, но препираться Федор не стал.

Прихватив ноутбук, устроился в спальне, куда Алиса, добрая душа, принесла чаю и шмат его любимой мексиканской пиццы. Сочетание бекона, сладкой кукурузы, острейших перчиков и прочих волшебных ингредиентов привело Федора в состояние дремотной сытости, и после недолгой прогулки по новостным сайтам он провалился в сон.

Федору показалось, что проспал он с полчаса, не больше, но когда разлепил глаза и оторвал голову от подушки, в окне уже виднелся серебристый ломтик луны.

«Вот это я заснул», – удивился он.

А потом удивился еще больше, услышав за стеной голоса. Алисин и какого-то неизвестного мужчины. Смысла слов не разобрать, но, судя по интонации, в гостиной царил веселье.

– Я что-то пропустил? – напустив на себя грозный вид, Федор валился в комнату.

Стеклянный столик возле дивана был заставлен какими-то коробками и пакетами. А на самом диване – любимом диване Федора – сидел незнакомый мужчина лет пятидесяти в не по возрасту молодежной куртке.

«Не квартира, а проходной двор какой-то, – подумал Федор. – Утром, по словам Алисы, приходила баба, сейчас какой-то дед...»

– Так я это... – мужчина встал и повернулся к Федору спиной, демонстрируя логотип известной в городе службы экспресс-доставки, – курьерская служба.

– А я уже собиралась тебя будить. – Алиса несколько демонстративно чмокнула Федора в щеку. – Заказ привезли. Я уже все, что нужно, отобрала. Заплатишь?

– Не вопрос. – Федор полез за карточкой и обнаружил в кармане какой-то чужеродный предмет. Достал его и ужаснулся – это был конверт с деньгами, который он обнаружил в папке с документами Дарьи Тимофеевны.

Сумма, которую нужно было заплатить, оказалась скромной, Федор ожидал гораздо большую. Чего он не предвидел, так это отсутствия у курьера терминала для оплаты картой. Ощущение такое, что этот немолодой дядька не в курсе, что вовсе не все сейчас держат дома увесистые пачки денег.

– Нужно было предупредить, когда заказывали, – оправдывался он, отчего Федор разозлился еще больше.

Получалось, курьер сваливает вину на них с Алисой. Но вид у дядьки был такой уставший и несчастный, что зло само собой улетучилось.

– Ну, хочешь, я не буду брать вот это. – Алиса отложила две коробки, потом внимательно оглядела оставшуюся баррикаду и нерешительно взяла в руки еще одну.

– Нет, возьмем все, что ты отобрала! – проснулось в Федоре чувство ответственности.

Отвернувшись, чтобы никто не увидел конверт с тюльпанами, Федор достал несколько купюр и протянул курьеру.

– Возьмите! Только не говорите, что у вас нет сдачи.

– Почему нет? Есть, конечно.

Дядька полез в карман, вытащил пачку денег и стал отмусоливать аккуратно сложенные бумажки.

Федору вдруг сделалось невыносимо муторно на душе.

Мужчина этот по возрасту годился ему в отцы. Наверное, не от хорошей жизни подался он в курьеры. А что, если отец ушел с завода и вынужден работать вот таким же мальчиком на побегушках?

Лет двадцать тому назад подобная мысль ни за что не пришла бы Федору в голову. Отец работал токарем на заводе. И не просто токарем, а высококлассным специалистом, единственным, кто мог выточить деталь любой конфигурации и сложности. Порой в цеху случались авралы, приходилось работать в выходные. Тогда отец брал с собой Федора – у матери, учительницы в школе, были уроки, не оставлять же сына одного.

Федор любил смотреть, как льется из-под резца тонкая спираль стружки. Очень красивая на вид, но с острой кромкой, которой можно было сильно порезать руки. На Новый год отец приносил охапки фторопластовой стружки.

Напоминающая мочалку для посуды, она была неказистой на вид, но абсолютно безопасной. Из нее получался замечательный снежный сугроб, скрывавший ведро с кирпичами, в котором стояла елка. Именно в нем Дед Мороз оставлял подарки маленькому Федору.

Тогда он точно знал – когда вырастет, станет токарем, таким же, как отец. А потом в школе у матери появился первый компьютер. Завод, профессия токаря – все уступило место новому увлечению. Учитель информатики Пал Палыч – в те годы ему было, наверное, столько же, сколько сейчас Федору, – поощрял любопытного сынишку коллеги, учил всему, что умел делать сам. Отец тоже

поддерживал, как мог. Он тогда уже знал то, о чем не говорил сыну. Устаревшие станки и людей с золотыми руками постепенно вытесняла современная техника, целые залы которой могли обслуживать один-два человека.

Денег на модернизацию оборудования у завода не было, какое-то время он еще пытался выживать, а потом стал стремительно стареть и дряхлеть, как оставшийся не у дел человек. Многих рабочих сократили. Лебедева-старшего держали на всякий случай, продолжая из последних сил платить высокую зарплату. Он понимал – будущее за людьми, которые будут разбираться в электронике и компьютерной технике.

Поэтому в десять лет Федор получил в подарок на день рождения свой первый компьютер и модем для подключения к интернету. И с этого дня мечта о профессии токаря отошла на задний план. Туда же переместились все школьные предметы, кроме математики и занятий с Пал Палычем. Федор и так-то не был отличником, а тут сполз на тройки вперемешку с двойками.

Конечно, это обстоятельство огорчало мать. После бесполезных попыток воззвать к совести сына, дискредитирующего таким образом ее педагогические способности, она попыталась ограничить его доступ к компьютеру. Но тут отец встал на защиту сына.

– Для того чтобы стать хорошим специалистом, зарабатывать много денег и жить достойно, вовсе не обязательно знать строение внутренних органов рака.

Отец вовсе не хотел обидеть мать – учительницу биологии, но уже успел позабыть, чему учат в школе, а про рака высмотрел в конспектах жены. Случайно оброненная фраза про внутренности рака стала ручьем, который со временем промыл глубокий овраг, рваную рану, разделившую супругов.

Федор служил шатким мостиком, соединявшим два берега этого оврага, двух ставших чужими людей. И как только он поступил в университет, находившийся в другом городе, родители тут же разошлись. Причем почти тут же создали новые семьи. Мать вышла замуж за того самого Пал Палыча, обучившего Федора азам программирования. Отец женился на ровеснице сына и обзавелся еще одним ребенком. Тоже мальчиком.

Судя по всему, оба родителя были счастливы в своей новой жизни. И именно этого Федор не мог себе простить. Того, что на протяжении столь продолжительного времени не позволял самым родным стать счастливыми. Заставлял их жить под одной крышей лишь ради него, лишь ради того, чтобы он жил в полной семье.

После родительских свадеб в душе Федора зародилось чувство вины, не позволявшее ему часто напоминать им о своем существовании и тем более навещать их. Да и ехать, собственно, было некуда. Его родной дом, трехкомнатная квартира в старенькой хрущевке, где у него была своя отдельная комната, словно дуб, в который ударила молния, распался на две однушки в отдаленных от центра и друг от друга районах.

Федор не знал, как они живут, но каждый месяц, пятого числа, отправлял им деньги – по пять тысяч. Вроде как стипендию. А на день рожденья и на Новый год сумму удваивал и высылал по электронной почте анимированные открытки, считая на этом свой сыновий долг выполненным.

И только сейчас, увидев ровесника отца, зарабатывающего на жизнь не соответствующим возрасту трудом, Федор подумал об отце и матери. Как они там? Так ли счастливы, как он это себе представляет? Или просто, не имея привычки к одиночеству, прилепились к случайным людям? Не приходится ли матери бегать по ученикам? Хотя Пал Палыч наверняка находит способ содержать жену. Отцу сложнее – ведь у него маленький ребенок и жена наверняка не работает. А вдруг завод окончательно умер, оставив его на мели?

– Не надо, отец. – Федор рукой остановил отсчитывающего мелочь курьера.

– У нас не положено, – смутился тот, но мелочь ссыпал в карман и принялся собирать упаковки, от которых Алиса отказалась.

– Я помогу, – вызвался Федор.

Выйдя на улицу, Федор сгрузил упаковки в кузов старенького «Фиата Добло», еще раз поблагодарил курьера, а затем забежал в расположенный неподалеку круглосуточный супермаркет и, сняв с карточки деньги, положил их в тюльпановый конверт.

Теперь душа его была спокойна, хотя и не до конца – нужно было еще вернуть конверт владелице. Но окна квартиры на первом этаже были абсолютно темными, что делало миссию невыполнимой. Пока что невыполнимой.

Кстати, в окнах соседней квартиры свет тоже отсутствовал. Ее обитательница, на вид ровесница Дарьи Тимофеевны, очевидно, уже спала.

– Это действительно был твой отец? – удивленно спросила Алиса, стоило Федору переступить порог.

– Нет, с чего ты взяла?

Она не ответила, лишь пожала плечами.

Федор и сам не мог понять, почему назвал совершенно чужого человека отцом. Чтобы скрыть смущение, он сделал вид, что рассматривает Алисины покупки.

Обойдя вниманием упаковки с одеждой и коробки с обувью, Федор выудил из упаковки небольшой, сияющий черным пластиком фен. Приставил его к виску:

– Пух-х-х!

– Дурак, – возмутилась Алиса, обезоруживая его.

Федор тут же вытащил из вороха упаковочной бумаги какую-то штукину, судя по всему, тоже для волос, а следом еще одну. В большом пакете обнаружилась куча расчесок самых различных размеров и конфигураций – толстенная круглая и такая же круглая, но поменьше диаметром, но с одинаковыми, торчащими в разные стороны колючками, а еще обыкновенная пластмассовая и металлическая с длинным острым концом.

– Зачем тебе столько? – спросил Федор и поершил волосы на макушке самой толстой расческой. Колючки неприятно царапнули кожу.

– Для работы, – сказала Алиса, забрала у него расческу и положила в маленькую компактную сумочку. Туда же отправились остальные.

– Ты парикмахер? – спросил Федор.

– Нет.

Пару минут Федор ждал продолжения, а потом не выдержал:

– А кто? Кто ты, Алиса?

Он тут же испугался, что вопрос прозвучал слишком громко, слишком в лоб, слишком... Что с такими девушками, как Алиса, не следует говорить таким тоном, но она, нисколько не обидевшись, ответила:

– Я переводчик. – И, видя его округлившиеся от непонимания глаза, пояснила: – Работаю в фирме. Могут позвонить среди ночи и вызвать. А выглядеть нужно от и до. Или требуется с клиентом ехать за границу. Там по салонам красоты не набегаешься. Вот и тащишь с собой чемодан. Если переговоры с девяти, вставать приходится в шесть. Девчонки, у кого ногти длинные, еще и лампу для маникюра с собой таскают.

– Какую лампу?

– Да тебе оно надо? – Алиса потянулась, по-кошачьему выгнув спину и вытянув вперед руки с короткими прозрачными перламутровыми ноготками, похожими на морские ракушки.

Наверное, она хотела показать, что ногти ее хороши сами по себе и не требуют никаких дополнительных приспособлений, но Федор понял жест как призыв к действию.

Он осторожно подтянул к себе Алису, обнял, отыскал ее губы своими губами. На секунду замер, давая ей возможность продемонстрировать свое несогласие. Но

тут Алиса взяла инициативу в свои руки.

То, что произошло дальше, никаким образом не походило на описанный нобелевским лауреатом поворот ключа. Это был взрыв супергиганта Бетельгейзе и рождение сверхновой.

От избытка чувств Федор даже сознание потерял на минуту. Ну или заснул на полчаса. А когда проснулся, обнаружил, что лежит на диване, а Алиса, уже полностью одетая, сидит рядом и нежно гладит его по щеке.

Он взял ее руку, прижал пальцы к губам, потом отвел их в сторону, посмотрел пристально.

– Так зачем все-таки нужна лампа?

Она засмеялась, взъерошила Федоровы волосы.

– Чтобы лак затвердел.

– Поня-я-ятно, – протянул Федор. – Сложно все у вас. Нравится тебе такая работа?

– Не хуже других.

Федору показалось, что вопрос Алисе пришелся не по душе, и поспешил ее успокоить:

– Мне бы, наверное, очень понравилась. Ездишь по всяким странам, знакомишься с разными людьми... Красота... Давно ты там работаешь?

– Уже почти три года.

«Три года? – подумал Федор. – А почему тогда только сейчас покупает прибамбасы для наведения красоты? По идее у нее их должен быть целый чемодан. И куда он делся, этот чемодан?»

– Тебе что – денег жалко? – спросила Алиса, и Федор понял, что какую-то часть своей мысли произнес вслух.

Ну была у него такая привычка, что поделаешь. Издержки одиночества.

– Да что ты! Нет, конечно! – Федор попытался ее утешить единственным возможным в его понятии способом, но Алиса отстранилась.

Встала, резко одернула футболку и ушла в спальню. Скрипнула кровать.

– Алиса, – Федор тихонько поскребся в дверь, – прости! Пес с ним, с чемоданом. Может, хочешь чаю или колы?

Ответа не последовало. Федор вернулся на диван, положил на колени ноутбук. Вот он, его настоящий друг. Никогда не обижается, не уходит в другую комнату и не закрывает дверь перед твоим носом.

Сна, как говорится, не было ни в одном глазу. Просмотрев почту и побродив по присланным рассылкам, Федор решил побродить по Дикому Западу с Джоном Марстоном. Он запасся пачкой чипсов, бутылкой колы, надел наушники, чтобы не тревожить Алису, и пустился в путь.

На этот раз он выбрал самую грустную главу. Усадив жену Эбигейл и сына Джека на коня и убедившись, что они благополучно покинули ферму, Марстон подходит к воротам, за которыми его поджидает толпа американских солдат. Джон смотрит на них в щель, а потом решительно распахивает створки, выхватывает револьвер и стреляет. Силы неравны, и через миг Джон падает, сраженный несколькими пулями. Конечно, Джек отомстит за отца, но это будет в следующей главе, а пока не мешало бы подкрепиться.

Чипсов в пакете оставалось всего ничего. Федор снял наушники, отправился на кухню. И в этот момент кто-то отчаянно забарабанил в дверь.

– Да что же это такое! – шепотом, чтобы не разбудить Алису, возмутился Федор, бросаясь к двери. – Не дом, а проходной двор какой-то. Кто там?

– Я ваша соседка. Вы мне звонили.

– Никому я не звонил, – громким шепотом заявил Федор.

Он посмотрел в глазок, но за дверью было темно – очевидно, в подъезде не горела ни одна лампочка.

Свет уличных фонарей позволял различить лишь худенькую фигурку. И голос ему был абсолютно не знаком, хотя ему за все время проживания так и не довелось услышать голос бабули с первого этажа и женщины – матери двоих детей из квартиры напротив. Да и видел их мельком. Но определенно это не они сейчас ломались в его дверь.

– Приходите утром, – заявил Федор.

Но незваную гостью это не устроило, и она снова забарабанила в дверь. Да еще и завопила что есть мочи:

– Помогите, пожалуйста!

«Ну, что за народ», – подумал Федор, но отказать женщине в помощи совесть ему не позволяла.

Он накинул цепочку, приоткрыл дверь и застыл от удивления – на пороге стоял Джек, сын Джона Марстона собственной персоной. Короткие темные волосы, широкие брови, почти сросшиеся на переносице, большие испуганные глаза.

Глава 10

Алиса долго не могла заснуть. Слова Федора разбредили в ее душе воспоминания о том, что она тщательно старалась вычеркнуть из памяти. Ведь все началось именно из-за чемодана...

Борьба чемодана с пражской мостовой закончилась его безоговорочной капитуляцией. Она купила его на распродаже за смешные деньги, прельстившись абсолютно неубиваемым видом, и теперь экономия вышла боком – чемодан отбросил колеса в буквальном смысле этого слова.

Алиса в сердцах пнула его серебристый бок, потом попробовала тащить за ручку, глотая слезы досады. Наверное, со стороны это выглядело комично – в горизонтальном положении чемодан доставал ей почти до пояса, и приходилось высоко поднимать руку. Но Алисе было не до смеха. Если в начале своего ночного похода ее толкала вперед злость и предстоящие трудности казались веселым приключением, то сейчас силы почти оставили ее.

«Сволочь! – попробовала повисить градус злости Алиса. – Пуп земли хренов. Августейшая особа, мать его».

Он же так всем и представляется – Орлов, граф. Вроде как в шутку, а может, и всерьез. Думает, если много денег – значит, все можно! Лучшая еда, лучшее пиво... Он и гостиницу заказал не абы какую, а «Президент отель».

В его понятии «президент» – это гарантия крутизны. Красочный сайт отеля обещал СПА, бассейн, роскошный завтрак, а главное – вид на Пражский град. Но СПА и бассейн Орлов не посещал – такого добра и в России навалом, чего было в Прагу тащиться? Завтрак он благополучно просыпал. А чтобы увидеть Пражский град, нужно высунуться из окна по пояс. В противном случае можно было лицезреть лишь крутой противоположный берег Влтавы, поросший кустарником и редкими деревьями, абсолютно не радовавший глаз. Как, впрочем, и само здание отеля, чем-то отдаленно смахивающее на Мавзолей Ленина. Ну как можно выбрать такое, когда кругом бесчисленное множество симпатичных домиков с красными черепичными крышами? Как этот, например.

Алиса скользнула глазами по стене дома, возле которого она остановилась, чтобы перевести дух, и попыталась прочитать написанное по-чешски название.

Отель «Чертовка».

Ну надо же!

Угораздило кого-то так назвать гостиницу. Интересно, кто в ней живет? Черти? Судя по темным окнам, спросом гостиница не пользовалась. А может быть, постояльцы гуляют по городу или пьют пиво в многочисленных барах.

– Ох уж это пиво! – И Алиса снова пнула беззащитный чемодан.

Именно из-за пива она оказалась сейчас в таком плачевном состоянии. Устав от хаотичного блуждания по барам, Орлов решил заказать персонального гида, который провезет их по лучшим заведениям и укажет на самые достойные сорта пива. Гид, Руслан, молодой парень с уже наметившимся «пивным животиком», сначала предложил пройтись пешком. Но, наткнувшись на красноречивый взгляд Орлова, осознал ошибку.

«Хозяин – барин», – прочла Алиса в брошенном на нее взгляде Руслана и слегка пожала плечами в ответ. Этот краткий диалог не остался незамеченным.

– Ты чего это с гидом в гляделки играешь? – зловещим шепотом поинтересовался Орлов, когда они шли к машине, и недовольно скривился при виде бежевой «Шкоды Октавия». Конечно, их сиятельствам пристало ездить не иначе, как в карете.

Во время экскурсии Алиса обменялась с Русланом всего лишь несколькими фразами – ну не сидеть же букой. Но то ли Орлову не понравилось пиво, то ли еще какая шлея ему под хвост попала, по возвращении в гостиницу он заявил, что Алиса вела себя как самая настоящая шлюха. Ей бы промолчать или сказать что-то типа «виновата, исправлюсь». Но она повела себя как полная дура. Начала оправдываться, спорить.

В результате их сиятельство просто вышвырнул ее за порог гостиничного номера вместе с чемоданом. Как жаль, что он не бросил следом телефон, который Алиса с утра положила на зарядку и, собираясь на экскурсию, не взяла с собой. А чего толку брать – звонить ей некому. Разве только Лешке, ее верному другу еще со школы. Но тому в Прагу звонить дорого. Разве что по вайберу написать сообщение. Но, узнав, что подруга в беде, он бы непременно помог. Нашел бы деньги. Занял у кого-нибудь. Украл, в конце концов.

Лешка, кстати, сразу говорил, что Орлов – пустой номер, что ничего Алисе не светит. Но ей так не хотелось упускать возможность съездить в Прагу. А еще тешил самолюбие тот факт, что из всех девчонок из их агентства «Настоящие леди» Орлов выбрал именно ее. И хотя он был абсолютно не в Алисином вкусе, но она давно уже привыкла не смешивать личные ощущения с работой. А вдруг... Вдруг случится чудо, и эта поездка выльется во что-нибудь серьезное.

Вот и съездила на свою голову. В кармане несколько крон, в руках – неподъемный чемодан, в голове – пламя ярости. По-хорошему, нужно попросить у кого-нибудь телефон и кинуть весточку Лешке. А потом ждать. Вот только у кого – кругом ни души.

Алиса протащила еще несколько шагов и оказалась на небольшом мостике с двумя фонарями по бокам. Перила моста были облеплены многочисленными замочками, на которых влюбленные идиоты пишут свои имена, а ключ бросают в воду. Думают, что это поможет сберечь любовь.

Алиса наклонилась, пытаясь прочитать имена. Ева и Лукашек, Кристина и Карлос – испанец, что ли? Юлия и Лаура. Это что-то странное. Хотя, может быть, это две девчушки, закадычные школьные подружки, которые еще верят в вечную дружбу? Интересно, скоро ли их постигнет разочарование? Хотя они с Лешкой вон сколько лет дружат. Видимо, бывают исключения. И эти, как их, Юлия и Лаура, уже будучи беззубыми старушками, вспомнят Прагу, мост и замочек на перилах.

Лешка... Может, ну его? Выйти замуж за Лешку? Он ведь ждет. Готов взять ее любую. Нарожать ребятишек и жить тихой бедной жизнью. Как живут Алисины родители. Лешка будет работать на стройке, больше он ничего не умеет. Потихоньку начнет спиваться...

Она посмотрела на воду. Там, внизу, в подсвеченной фонарями темноте, плавали четыре уточки. А может, это были черти? Те самые, из гостиницы «Чертовка». Везет им – ни забот, ни хлопот. Знай себе плавай и жуй брошенный добротами-туристами хлеб.

Алиса на секунду представила себя такой вот уточкой. Или гусыней, раздобревшей после рождения нескольких Лешкиных отпрысков. Гадко. Не для того она себя растила, зубрила английские слова.

«Нет, я не сдамся». – Она резко тряхнула головой, и мысли, разбежавшиеся от растерянности, выстроились в четкие строчки плана.

Итак, перво-наперво надо найти человека, который позволит воспользоваться своим телефоном. Лучше всего парочку, типа этих Евы с Лукашеком или Кристины с Карлосом. И чтобы телефон был с интернетом.

Второе – решить вопрос с ночлегом. Легко сказать, но как? В сети полно историй о бэкпекерах, путешествующих с рюкзаком за плечами и минимальным количеством денег. Но Алиса не была готова выйти из своей уютной зоны комфорта и очертя голову броситься в сомнительную авантюру. Да и не похожа она на бэкпекера с этим громоздким чемоданом.

Чемодан... Все упиралось в него.

Вспомнилось, как отец, шутя, говорил: «Жена, она как чемодан без ручки. Тащить тяжело и бросить жалко».

Конечно же это была шутка – мать он очень любил. Всегда старался помочь, даже тогда, когда помощь эта абсолютно не требовалась. А потом старался помочь Алисе. Всем – деньгами, советом. Преобладали, конечно, советы – с деньгами в доме Лопуховых всегда было туго.

Алиса с детства знала – у нее все будет по-другому. Она еще не понимала, как, но твердо верила в свою звезду. Настанет день, и приедет ее принц на белом коне.

Поворотной точкой в жизни Алисы стал фильм «Красотка», который она совершенно случайно увидела по телевизору. Не заболел ли она в канун Восьмого марта, не отправятся родители в театр, и история Джулии Робертс осталась бы для нее неизвестной – мама считала подобные картины не подходящими для подростка с неокрепшей психикой. Но благодаря счастливому стечению обстоятельств фильм Алиса все-таки посмотрела, и история современной Золушки потрясла девочку.

Нет, разумеется, Алиса не решила стать проституткой. Она будет актрисой. Причем не простой, а самой настоящей голливудской звездой. Тем более что английский ей давался лучше всех остальных школьных предметов.

Алиса записалась в студию при городском театре. Ученицей она оказалась способной и через несколько месяцев уже принимала участие в спектаклях. Конечно, роли были незначительными, порой даже без слов, не предусматривающими никакой оплаты. Но Алиса радовалась и этим маленьким шажкам к своему большому будущему.

Изнутри жизнь артистов провинциального театра оказалась не такой праздничной, как из зрительного зала. Декорации обветшали, на костюмы выделялся мизер. У костюмера тети Гали были свои люди в секонд-хенде, и за считанные копейки она покупала вещи, из которых шила удивительные платья. Но главное, благодаря чему театру удавалось держаться на плаву, – прекрасная игра актеров. Они не выходили на сцену с целью развлечь публику, нет. Они на ней жили. Ни одного неестественного жеста, ни одной фальшивой интонации. Диалоги – отточены, монологи похожи на исповедь. Разумеется, как и в любом коллективе, в театральной труппе не было единодушия. Ссоры, интриги, когда все против всех, – куда без этого. Но только не на сцене. На время спектакля все дразги забывались, наступало негласное перемирие. И лишь когда стихало эхо аплодисментов, все возвращалось на круги своя.

Алиса почти каждый вечер стояла в кулисах и наблюдала за работой актеров, впитывая их мастерство. Разбирая действие на крошечные элементы, она пыталась понять, почему для изображения, к примеру, любви, вовсе не нужны никакие слова. Жесты, взгляды, прикосновения – все и без них достаточно красноречиво. Слова перегружают тончайшую игру, нить которой испокон веков соединяет мужчину и женщину.

Интерес Алисы не остался незамеченным режиссером. Он разглядел в ней тот самый энтузиазм, который заставлял актеров жертвовать ради театра всем: личной жизнью, здоровьем, материальным благополучием. Оставленные на попечение родни дети, на ходу проглоченный обед. Как наркоманы, выносящие из дома все ценное, они были готовы отдать последнее, лишь бы действие под названием «спектакль» состоялось. Кресла, шкафы, стулья, тюль на отделку свадебного платья, посуда – в ход шло все.

Алиса принадлежала к тому немногочисленному кругу людей, которые готовы на любые жертвы ради своей идеи. К тому же она оказалась отличной ученицей: не лезла на рожон, не обижалась на критику и к окончанию одиннадцати классов, по мнению режиссера, была готова к любым ролям. Желание Алисы поехать учиться в Москву он воспринял как предательство. Чутье говорило ему, что уезжает девушка навсегда.

Поезд прибыл на Ярославский вокзал поздним вечером. Поток пассажиров подхватил девушку, понес за собой. И хотя Алиса была готова к встрече с огромным городом, действительность превзошла все ожидания. Несмотря на позднее время, народу было очень много. Казалось, стоит запнуться,

остановиться на миг, и толпа свалит тебя с ног.

Ремень тяжелой спортивной сумки больно давил на плечо, но о том, чтобы остановиться и сменить руку, не могло быть и речи – затопчут. На мгновение душу охватил страх, но тут толпа выплеснулась на привокзальную площадь, и стало чуть полегче.

Алиса на ходу вытащила бумажку, где заранее расписала маршрут до дома папиной родственницы – очень дальней, седьмая вода на киселе, которая согласилась приютить ее на пару месяцев, пока она не поступит в институт и не поселится в общежитии. И тут краем глаза девушка увидела нечто странное: справа, довольно далеко в небе вспыхнули яркие звезды фейерверка, окрасив ночное небо в оранжевый цвет.

Алиса остановилась, стянула оторвавшую плечо сумку и, как зачарованная, уставилась в небо. Москва приветствовала ее салютом!

Конечно, она отдавала себе отчет, что салют этот не в ее честь, что это просто совпадение, но часть ее души восприняла разноцветные звезды в небе как добрый знак.

Поставив сумку на землю, Алиса стояла и смотрела в небо. Погасли звезды фейерверка, а небо так и осталось оранжевым. Уже гораздо позже она поняла, что никакое это не чудо – просто огни города подсвечивают облака. Но оранжевый цвет московского неба остался для нее символом веры в себя, в свои силы, в свой талант.

Однако ни в училище Щепкина, ни в Щукинском институте, ни в институте Герасимова талант этот не оказал впечатления на приемную комиссию. Но сдаваться Алиса не собиралась. Первая неудача не могла поколебать уверенность в своих силах. Она решила остаться в Москве и пойти на курс актерской игры и постановки речи. Конечно же все упиралось в деньги. Провожая дочь на учебу в Москву, родители отдали все накопления. Нужно было искать работу, причем достаточно высокооплачиваемую, чтобы хватило и на курсы, и на жилье. Родственница, одинокая тетка, привыкла жить одна и уже неоднократно намекала, что не рассчитывала на столь долгое проживание квартирантки из провинции. Намеки эти, сначала легкие и мягкие, словно летний ветерок, становились все весомее и жестче, обещая вскорости

превратиться в ураган, который выметет надоевшую родственницу со всеми ее немудреными пожитками за дверь. И Алиса погрузилась в поиски работы, благо, у тетки был компьютер.

Работа требовалась со свободным графиком, отсутствием опыта и высокой оплатой. Таким критериям соответствовали в основном таксисты, доставщики еды со своими автомобилями, монтажники каминов, мастера маникюра с выездом, уборщики помещений, менеджеры по продаже, промоутеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Подробнее с сотрудниками агентства «Кайрос» можно познакомиться в романе Ирины Грин «Бог счастливого случая».

2

HR-менеджеров, менеджеров по персоналу.

3

Читайте об этом в романе Ирины Грин «Нарушенная заповедь».

4

Исправляет чужие программы.

5

Владимир Маяковский. «Разговор с товарищем Лениным», 1929.

6

Иосиф Бродский. «Дебют», 1970.

7

О знакомстве майора Щедрого и сотрудников «Кайроса» читайте в книге Ирины Грин «Эффект аметистовых очков».

8

О том, почему не состоялась свадьба Аси и Рыбака, читайте в романе Ирины Грин «Сквозь аметистовые очки».

9

Компьютерная игра, приключенческий боевик-вестерн.

Купить: https://tellnovel.com/ru/grin_irina/chuzhaya-lebedinaya-pesnya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)